

Наталия Альха

Дочери короля

Книга Первая

темное средневековое фэнтези

18+

Наталия Альха
Дочери короля

«Автор»

2026

Альха Н.

Дочери короля / Н. Альха — «Автор», 2026

У короля было три дочери. Старшая принцесса мечтала однажды занять престол, но рождение брата лишило её прав на наследство. В отчаянии она обратилась к тёмным силам, и за это была заточена в башню. Средняя принцесса жила книгами, а младшая любила танцы, музыку и баллады о любви, и пожелала того, кого желать нельзя – жениха средней сестры. Она попросила старшую принцессу, которую все считали ведьмой, сделать ей приворотное зелье. Но за всё надо платить. Победит ли старшая принцесса зло, охватившее её душу, или сдастся демону, который хочет сделать её своей? На что может пойти младшая ради любви? И выстоит ли средняя в противостоянии двум сестрам, которые обе оказались не на её стороне? В темном мире средневековья, где колдовство реально, а спокойные времена сменяются неминуемой войной, разворачивается история людей, у каждого из которых своя правда.

© Альха Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Наталия Альха

Дочери короля

Глава 1

Гаррэт миновал подъёмный мост и остановил коня в тени арки ворот, где четверо стражников охраняли проезд. Он достал из седельной сумки грамоту с королевской печатью, но солдаты не стали изучать ее, им было достаточно гербов на одежде Гаррэта и его спутников. Или стражники попросту узнали его в лицо. Гаррэт возвращался на службу к королю Луарона после долгой отлучки. Его сопровождали несколько вооруженных слуг и паж.

– Проезжайте, дэйн Гаррэт. – Капитан смены махнул рукой, и солдаты расступились, давая дорогу всадникам.

После долгого пути Гаррэт чувствовал себя уставшим от жары, его клонило в сон. Он предпочитал ехать с непокрытой головой, надеясь на освежающий ветер и на то, что его светлые волосы притягивают немного солнечных лучей, но его расчеты оказались неверны, ему все-таки напекло голову.

Большой двор королевского замка оказался полон людей, и это сильно контрастировало с тихими городскими улицами, по которым только что ехал Гаррэт. Молодой человек тут же забыл о своем желании отдохнуть. С ристалища через боковые ворота под южной башней возвращались воины после конной тренировки. Двор звенел от их разговоров и смеха, и от фыркания взмыленных лошадей, которых конюхи заводили в конюшни.

Не успел Гаррэт спешиться и отдать поводья своим слугам, как услышал знакомый голос: – Неужели Гаррэт Орикен к нам пожаловал!

В центре двора, у колодца, Гаррэт увидел своих друзей – Бримона, Сайна и Данэля. Бримон шагнул к нему и наградил крепким рукопожатием, сжав руку у самого локтя. Бримон радостно смеялся, с его волос на рубашку капала вода – он только что поливал голову из кадки, чтобы освежиться. Гаррэт нашел, что его друзья, закончившие изнурительную тренировку, выглядят бодрее, чем он после долгой дороги.

– Жаль, ты не приехал раньше, – сказал Бримон. – С этими скучно, они летают из седла только так. Сайн сегодня два раза месил конский навоз.

– Не придумывай, – отпирался Сайн, – ничего я не месил. Ты вышиб меня один единственный раз. И никакого навоза там не было.

– Я немного сгущаю краски. – Бримон жадно отпил воды из кадки. – А сколько я об тебя копий сломал, вообще не сосчитать. Но моя заслуга в том невелика, в тебя легко попасть, ширина твоего упитанного тела позволяет даже не целиться.

Сайн в ответ плеснул в Бримона водой, тот, смеясь, ответил тем же, и они продолжили свои препирательства.

– Месяц тебя не было или даже больше? – прикинул Данэль, высокий темноволосый молодой человек.

– Король отпустил меня на сорок пять дней, и, кроме как погостить у своего отца и матушки, я навестил барона Кирса, а это большой крюк, – Гаррэт заправил выгоревшую прядь волос за ухо, чтобы легкий ветерок перестал сносить ее на лицо.

– К Элисане ездил? – Данэль кивнул с понимающей улыбкой. – И скоро ли свадьба?

– Кирс сказал, что выдаст ее за меня не раньше, чем я стану рыцарем. Он человек непростой. Намекал, что если бы я остался у него на службе, он давно бы меня посвятил.

– Ха, он думает, что ты отказался бы от места оруженосца самого короля, чтобы служить ему, Кирсу? – Данэль усмехнулся, недоуменно подняв брови.

Их разговор прервал Сайн, который не слишком громко, но так, чтобы друзья услышали его среди шума, сообщил:

– Ее величество идет.

В дальнем конце двора по ступенькам главного выхода из дворцовой части замка спускалась королева Анхейлис, окруженная обширной свитой из придворных дам. Эта толпа растянулась по краю двора. Подобрал подола платьев, женщины неспешно шли в замковый сад.

Все люди, что были во дворе, застыли в поклоне. Громкие разговоры прекратились, только лошади продолжали ржать и фыркать.

Бримон не спускал глаз с одной из девушек, идущей рядом с королевой. Ее яркие рыжие волосы сияли на солнце. Девушка улыбнулась Бримону, но тут же отвернулась.

– Все еще видишься с ней? – Гаррэт покосился на Бримона.

– Не твое дело, – коротко ответил тот.

– Судя по всему, да, – заключил Гаррэт. – Король не простит тебя, если узнает.

– Она влюблена в меня по уши. – Бримон самодовольно улыбнулся.

– Сегодня влюблена, а завтра нет, – прокомментировал Данэль. – А ты можешь за это поплатиться.

– Ты сильно рискуешь, Бримон, – добавил Гаррэт.

– Риск это благородно, – Бримон стал прочищать ухо от воды, глядя, как толпа дам втекает под арку галереи, отделяющей замковый двор от сада. – Не могу же я разбить ей сердце.

– Ничего с ее сердцем не случится. Только споет пару тоскливых песен под свою лютню, – Сайн усмехнулся.

– Король не торопится выдавать своих дочерей замуж, торгуется о выгодных династических браках, вот девица и заскучала, – заключил Данэль. – У моей матушки в ее восемнадцать лет уже был я и моя сестра.

– Остальные принцессы что-то не скучают, – заметил Гаррэт.

– Средней некогда скучать, – сказал Бримон, – она целыми днями в библиотеке или в храме. Ее младшая сестричка мне рассказала, что средняя ведет жизнь чуть ли не монашки, и очень донимает мою возлюбленную своими нравоучениями. А старшая сильно изменилась за последний год, характер совсем испортился.

– Да, старшая странной стала, как будто бес в нее вселился, – подхватил его слова Данэль, – А раньше мне казалось, что она ничего такая. Мне нравятся высокие и стройные. Я даже был рад, когда король Ривальд попросил меня научить ее заряжать арбалет. Говорила она со мной тогда без всякого высокомерия, даже смеялась над моими шутками, и сама шутила. А теперь она совсем другая. Взгляд холодный, отстраненный. Улыбки не дождешься.

– Под ее взглядом я как на эшафоте себя чувствую, – закивал Сайн. – Благо, она и не смотрит на меня почти никогда. Она не была такой раньше.

– А какой была, пялилась на тебя что ли? – засмеялся Бримон.

– Даже если бы и пялилась, я предпочитаю простолюдинок, – Сайн усмехнулся. – С ними проще, и риска никакого.

– Видел я недавно девку с кухни с жирнющим младенцем на руках. Твой бастардик? – Бримон ехидно сощурился.

– А может и мой. – Сайн снова плеснул в друга водой из кадки. Бримон весело загоготал и ответил тем же.

Сад блестел от солнечных лучей, пробивающихся сквозь кроны. Птицы заливались на все голоса. Королева Анхейлис, три ее дочери и дамы из свиты отдыхали в тени цветущей яблони. Одна из старших фрейлин читала вслух «житие святой Аглаис», держа на коленях раскрытый том рукописи. Разморенная ее монотонным голосом, королева Анхейлис начала

уже проваливаться в сон, полулежа на покрывале среди сочной весенней травы, когда вдруг одна из дам тихо позвала ее:

– Ваше величество, кажется, сюда идет Его Величество король Ривальд.

Анхейлис очнулась от дремоты, и младшая из ее дочерей, принцесса Амилла, поправила жемчужную нить в волосах королевы, таких же рыжих, как у нее самой.

Из-за деревьев показался король в компании нескольких приближенных. Плотная рельефная фигура выдавала его силу, а выпирающий живот свидетельствовал о любви к сытным трапезам и вину. Его волосы, почти седые, с небольшим количеством темных прядей, доставали до плеч, а лицо было гладко выбрито.

Увидев Ривальда, дамы встали и поклонились, и три его дочери сделали тоже самое, только королева осталась сидеть на траве. Король подал ей руку, чтобы помочь подняться. Несмотря на учтивую улыбку мужа, Анхейлис заметила в его серых глазах недовольство.

Анхейлис взяла под руку короля, и он повел ее по дорожке сада, сделав знак придворным, чтобы они оставили их вдвоем.

– Как прошли переговоры, мой король? – поинтересовалась Анхейлис.

– Как вы знаете, некоторое время назад я предлагал Джафриду Бергедонскому заключить торговый договор, в знак моих добрых намерений, – король начал издали. – Я надеялся, что наши разногласия будут забыты. Казалось бы, он пошел еще дальше, и предложил династический брак между его племянником, герцогом Деспаром, и одной из наших дочерей.

– Выдать нашу дочь замуж за бергедонца? – королева с недоумением посмотрела на мужа, а потом сказала, задумчиво: – Если это будет залогом добрососедских отношений, возможно, нам стоит подумать. Наша младшая дочь еще никому не обещана, а герцог Деспар владеет почти четвертью земель королевства Бергедон. Тем более, что у короля Джафрида Бергедонского пока нет детей, и если они не появятся, Деспар останется главным наследником.

– Неужели вы всерьез рассматриваете его предложение, голубушка моя? – в голосе короля слышались нотки негодования, которое возрастало с каждым его словом. – Очевидно, он смеется надо мной, потому что в качестве приданого он запросил половину земель Старой Норгонны, которые я вернул когда-то, ценой жизней наших славных доблестных воинов. Это наглость поистине неслыханная! Да и если бы это были не Норгоннские земли, а какие-либо другие, стал бы я давать такое обширное приданое за дочерью, еще и младшей? Определенно нет! – Ривальд краснел от злости, и не мог остановить поток своего возмущения. – Где это видано, отправить послов, которые будут шутить таким нахальным образом, смотря мне в глаза так, будто ничего особенного они не предлагают?

– Судя по всему, бергедонский король намекает, что он не смирился с потерей Норгонны его родом, – вздохнула Анхейлис. – Если вы хотите наладить отношения с Бергедоном, возможно, стоит предложить как приданое малую часть из тех земель? Небольшую, но все-таки относящуюся к Норгонне. Как жест доброй воли. А если наша дочь овдовеет, земли эти так или иначе останутся ее собственностью.

– Ни версты Норгоннских земель он не получит, ни в каком виде, – выпалил Ривальд. – Как бы это выглядело? Что я согласен с ним в его притязаниях, или не уверен в законности своих? Определенно, это выглядело бы именно так!

– Вы правы, мой король. Такие заявления послов больше похожи на провокацию, – заключила Анхейлис, поправляя рыжие локоны.

Где-то в кроне цветущей яблони заливалась малиновка, и взгляд королевы блуждал между ветвей, ища птичку среди солнечных бликов. Спокойствие весенней природы контрастировало с волнующим разговором, а Анхейлис совсем не хотелось нервничать.

– Я приказал выдворить послов из города, – сказал король со смесью досады и негодования в голосе, – и велел им возвращаться, когда их правитель протрезвеет от своих беспро-

будных кутежей и посмотрит на вещи более ясным взором. Они уже едут обратно, не получив достойного приема.

– Мой король, если бы степень вашей добродетели равнялась вашей вспыльчивости, вы бы уже были святым, – королева покачала головой. – Как бы это не довело нас до новой войны.

– А как? Как я должен был спокойно выслушивать эти наглые речи? – Ривальд вытер пот со лба рукавом своего лазурного, расшитого золотыми нитями котарди, которое выглядело парадно, но было слишком теплым для такой жары. – Что он о себе думает, этот Джафрид? Его предки стали называться королями буквально вчера, и то, по недоразумению. Но нам с вами известно, что Бергедон это всего лишь провинциальное Норгоннское герцогство. Он должен быть мне благодарен, что я отказался от притязаний на свой над ним сюзеренитет. Вот это был жест доброй воли, и этого с него хватит!

Малиновка прекратила свою песню, вспорхнула и скрылась в листве, блеснув оранжевой грудкой.

– Не горячитесь, мой король, – Анхейлис говорила спокойно и мягко. – Без сомнений, Джафрид не прав. Сдается мне, он носит в своем характере ту же вспыльчивость, что и вы, доставшуюся вам обоим от общего прапрадеда, Норгоннского короля Трира Злого. Но необузданность характера лишь разжигает распри. А решить разногласия способен только лишенный гнева диалог.

– Вы как всегда рассудительны, моя голубушка, – ответил Ривальд.

Супруги неторопливо двигались по мощеной камнем дорожке в сторону яблонь, под которыми остались принцессы и придворные. Помолчав некоторое время, Анхейлис вдруг сказала тихо:

– Я бы хотела посоветоваться с вами. Не пора ли рассказать нашим дочерям о том счастье, которое даровал нам Бог?

– В этих вопросах я вам не советчик. Поступайте, как знаете, – отмахнулся Ривальд, поглощенный мыслями о бергедонских посллах.

– Я скажу им прямо сейчас.

– Конечно, голубушка, обрадуйте их. Но мне пора. Начало заседания совета я назначил на ближайшее время. Меня уже ждут.

Король Ривальд поцеловал тонкие пальцы супруги и знаком подозвал свою свиту, чтобы отправиться по делам, а королева снова устроилась на покрывале среди сочной травы и приказала дамам временно удалиться, оставив рядом с собой только троих дочерей.

– Я хочу поведать вам одну прекрасную новость, дети мои, – королева Анхейлис была взволнована. – Свершилось то, чего я ждала так много лет! Вы стали совсем взрослыми, и я уже не питала надежды, – Анхейлис сделала долгую паузу, не в силах сдержать ясную улыбку, и сказала тихо, но торжественно: – В моем чреве появилась новая душа!

– Слава всевидящему Олэму, матушка! – воскликнула Авэйна, средняя сестра.

– Неужели, матушка?! – Амилла, младшая принцесса, просияла.

Старшая дочь, Эрис, молчала, как будто не сразу поняла, что значат слова Анхейлис. Она оглядывала матушку и сестер блуждающим взглядом. Встретившись глазами с Авэйной, которая с недоумением смотрела на нее, Эрис все же произнесла, но без всякого выражения:

– Какая радость, матушка!

Средняя и младшая дочь стали засыпать мать вопросами о разном – сроках появления на свет нового члена семьи, о самочувствии; а Эрис следила за разговором молча, машинально глядя прядь своих темных волос, и учтиво улыбалась одними губами, в то время как взгляд ее оставался отстраненным, и королева заметила это. Анхейлис ничего не сказала старшей дочери, но Эрис увидела в ее глазах вопрос.

– Кажется меня совсем доконала эта жара, – произнесла Эрис с усталым вздохом, – мне что-то нездоровится сегодня. Матушка, позвольте мне удалиться в свои покои.

Королева ответила:

– Конечно, Эрис, я и сама собиралась пойти отдохнуть, и даже немного вздремнуть. Мое положение требует не пренебрегать отдыхом.

– А мы с Амиллой пойдем в храм, – Авэйна тут же вскочила на ноги, – помолимся за вас и будущего ребенка.

Рыжая Амилла вздохнула. Молиться ей было скучно, но отказ выглядел бы богохульством и дерзостью.

Две принцессы неспешно направились в сторону замкового храма. Они шли между цветущих яблонь и кустов белых роз, которые уже начинали раскрывать свои бутоны. Несколько придворных дам следовали за ними.

– Ты заметила, как отреагировала Эрис, когда узнала, что матушка ждет ребенка? – Авэйна взяла Амиллу под руку и говорила тихо.

– Мне показалось, что она была встревожена, – Амилла нахмурилась от внезапно пришедшей ей на ум пугающей мысли. – А ведь и правда, вдруг матушка не переживет рождение?

– Меня это тоже беспокоит. Но Эрис печалится по другому поводу, – голос Авэйны был полон уверенности. – Она все время кичилась тем, что является единственной наследницей престола. А ведь если родится мальчик, ей не видать трона.

– Если это действительно для нее важно, то я ей сочувствую, – Амилла пожала плечами.

– Ты сочувствуешь ей? Ее алчности и пустым амбициям? – Авэйна недоуменно подняла брови, – А мне жаль ее заблудшую душу. И я была бы очень рада, если бы у нас родился брат, потому что Луарон постигнут беды и несчастья, если Эрис когда-нибудь станет королевой.

– Почему же беды и несчастья? – недоверчиво и немного растерянно спросила Амилла.

– Ты не помнишь, как больше года назад она повстречала в лесу чвыря? Королева, которая была околдована взглядом этого лесного черта, не сможет быть справедливой и тем более доброй. Ведь нельзя не заметить, как испортился ее характер с тех пор.

– Я уж и забыла об этом происшествии, – задумчиво сказала Амилла.

Младшая принцесса вспомнила тот случай. Это было во время королевской охоты. Лошадь, на которой ехала Эрис, испугалась внезапно упавшей ей на голову сухой ветки и понесла. Принцесса сумела удержаться в седле, но она оказалась в чаще леса одна, отбившись от остальных всадников. Там, куда никогда не заезжают охотники, где лошадям сложно пробраться между густого подлеска, и дневной свет плохо проникает сквозь густые кроны.

Как потом рассказывала Эрис, она увидела там настоящего лесного черта. Чвырь притаился между деревьями. Нечистый стоял на своих тонких кривых ногах, вцепившись в землю когтями, такими же черными, как и сам чвырь, и смотрел на Эрис. Его красные глаза притягивали и завораживали, и принцессе было сложно отвести от него свой взгляд, хотя внешность его была безобразной. Морда у него была круглая, большие черные дыры ноздрей располагались чуть ниже глаз, из пасти торчали кривые клыки. Уши походили на перепончатые лапы водоплавающей птицы. Его костлявое тельце было длиною не больше локтя, вдоль спины торчал гребень, сходя на нет у начала тонкого и длинного как у крысы хвоста.

Эрис знала с детства, как и все, что если не отвернуться от взгляда чвыря, он посеет зло в душе. Даже ее лошадь, увидев нечистого, не заржала, а остановилась и замерла, будто окаменела. Эрис смотрела, завороженная, в глаза черту, пока не услышала звуки охотничьего рога вдали, сигналившего, что кабан загнан в ручей, и наступил момент взять дичь. Это вывело принцессу из оцепенения. Очнувшись и испугавшись не на шутку, принцесса хотела застрелить черта из арбалета, но не успела зарядить свое оружие, как нечистый скрылся в кустарнике. Лошадь вышла из оцепенения, когда чвырь исчез. Люди короля, отправившиеся на поиски Эрис, встретили испуганную принцессу, которая смогла найти обратную дорогу, ориентируясь по звуку рога. Она путано рассказала о приключившемся с ней происшествии.

– На ее месте, я бы день и ночь проводила в молитвах, чтобы не дать злу пустить корни в душе, – сказала Авэйна, – Она же ходит в храм только на службы, вместе со всеми.

– Сразу после этого случая ее обязали молиться в храме восемь раз в день в течении нескольких месяцев, ты помнишь? – Амилле было не по себе от воспоминаний об этой истории. – Духовенство сочло это достаточным, учитывая, что Эрис вела себя как обычно, и ничем не отличалась от прежней.

– А я считаю, что этого было недостаточно, и ей не следовало прекращать усердные молитвы и по сей день, – возразила Авэйна. – Если ты не помнишь, ее лошадь в течении года тоже вела себя как обычно, а потом взбесилась, укусила конюха, который хотел заплести ее гриву в косы, и запинала его так, что он и не оправился. И ржание ее было похоже на хохот. Не просто так эту лошадь пришлось умертвить, а ее труп сжечь.

– Может лошадь подхватила какую-то лошадиную болезнь, – предположила Амилла.

– А мне очевидно, что это было влияние чвыря, – Авэйна стояла на своем.

Придворные дамы шли позади принцесс, и вряд ли слышали, о чем те разговаривают. Принцессы старались общаться как можно тише.

– Сестрица, у нас что, новый садовник? – Амилла заметила молодого парня у куста белой розы, который обрезал ветки, засохшие за зиму.

– Похоже на то, – Авэйна пожала плечами. – Я слышала, что старый Берт совсем ослеп, и на его место взяли нового работника. Но такие мелочи не должны тебя волновать, сестра. Не забывай, что ты дочь короля.

– Ты права, – улыбнулась Амилла, не отрывая взгляда от кудрявого парня, который, увидев принцесс, низко поклонился.

Авэйна дернула сестру за рукав и строго сказала:

– Амилла, веди себя скромнее, неприлично так смотреть!

Переступив порог господней обители, сестры замолчали. Полумрак и прохлада этого святого места, запах благовоний и царившая здесь тишина умиротворяли и настраивали на молитву. Девушки молча совершили поклон и, омыв пальцы святой водой из купели, как того требовал обычай, пошли к алтарю между резных скамей. Со старинных фресок глядели святые. Эти фрески Авэйна помнила с детства. Тогда она воспринимала изображенных на стенах персонажей как настоящих, и думала, что они выглядят именно так у себя на небесах.

В отличие от Авэйны, Амилла чувствовала себя здесь не так уютно – ей казалось, что она вся на виду у Всевышнего Олэма. Но она знала – что нет никакой разницы, в храме она или нет, ведь религия Эмаатства считает своим главным символом Око Олэма – знак того, что ничто не укроется от Бога, ни поступки, ни мысли, где бы ты ни находился. Верующие носят этот знак на шее, этот символ венчает купола соборов, и главное окно в храме имеет форму этого знака – маленький круг в большом круге и от одного к другому расходятся восемь лучей, по два с каждой из четырех сторон.

Принцессы и дамы встали на колени перед алтарем, и сложили перед собою руки.

– Повторяйте за мной, – тихо сказала Авэйна.

– Сестрица, не лучше ли нам помолиться молча? – предложила младшая принцесса.

– Я не уверена, что ты хорошо помнишь текст подходящей для нашего случая молитвы, и не будешь думать о чем-то своем, – ответила Авэйна.

– Ты меня обижаешь. Можно молиться и своими словами, – возразила Амилла раздраженно.

– Не стоит проявлять гнев в храме, – голос Авейны по-прежнему оставался спокойным, что дополнительно злило Амиллу, но она решила не спорить со своей праведной сестрой.

Авэйна нередко проводила свободное время в храме, и знала о молитвах больше, чем остальные сестры и все придворные дамы. Молитвы помогали ей всегда сохранять душевное равновесие. И сама она была похожа на святую деву, сошедшую с фресок. Темные волосы

подчеркивали благородную белизну ее кожи. У нее был высокий лоб, изящный прямой нос, и большие глаза, голубые, как чистое весеннее небо. Улыбка ее всегда была легкой и чуть загадочной, но скорее саркастичной, чем кроткой.

Младшая принцесса тоже была красива, но по-другому. Как и королева Анхейлис, Амилла имела густые рыжие волосы, завивающиеся в локоны. У нее были зеленые глаза и яркие губы. Улыбка ей особенно шла, озаряя ее лицо как солнце.

Их старшая сестра Эрис тоже была обладательницей красивых зеленых глаз, больших и немного кошачьих. У нее был точеный профиль, брови вразлет и темные как у Авейны волосы. Она была немного выше ростом, чем остальные сестры.

Бримон Дорнэль, оруженосец короля, молодой человек знатного рода, сын графа Дорнэля, проснулся от того, что услышал шепот своей возлюбленной:

– Бримон, колокол уже бьет первый утренний час.

Из приоткрытого окна в комнату проникал легкий весенний ветерок вместе с ароматом цветущей сирени, трелями соловья и монотонным звоном храмового колокола.

– Так не хочется уходить. – Бримон потянулся на шелковых простынях и заключил в объятия принцессу Амиллу. Она смеясь, поцеловала его.

– Как бы тебя тут не обнаружили, – Амилла села на кровати. – Я слышала как кашляет дэйна Дениза, она все время кашляет, когда просыпается.

Бримон вспомнил, как ночью он высчитывал время, чтобы не нарваться на обход стражи, а потом тихо пробирался через проходную комнату, где спали фрейлины. Вряд ли он сможет сейчас уйти тем же путем так, чтобы его никто не заметил.

– Я выберусь через окно, – Бримон улыбнулся. – Там не так уж и высоко.

Амилла посмотрела на него недоверчиво, потом выскочила из постели, и, распахнув тяжелые рамы, выглянула в окно.

– Садовник уже трудится. Лишь бы он тебя не заметил, – прошептала Амилла, разглядывая молодого человека, подвязывающего белые розы в саду.

– Что же этим простолюдинам не спится, – Бримон скривился.

За дверью послышался шорох и разговоры просыпающихся дам. Бримон торопливо оделся и подошел к окну.

– Я буду ждать тебя ночью, – шепнула Амилла ему на ухо. – Береги ключ.

– Конечно, моя принцесса, это самая большая драгоценность, которая у меня есть, – Бримон поцеловал веснушки на щеках возлюбленной, потом ловко вылез в окно, повис на руках, держась за карниз, и спрыгнул в благоухающий куст сирени.

Садовник обернулся на звуки ломающихся ветвей и проводил взглядом Бримона, скрывшегося в листве, а потом заметил наблюдающую из окна Амиллу, и поклонился ей. Принцесса, пряча обнаженную грудь под рыжими локонами, поспешно закрыла раму. Ее охватило беспокойство – как бы садовник не рассказал кому-нибудь об увиденном. Принцесса взяла из ящика стола кошелек, и высыпала деньги на ладонь. «Надеюсь, ему хватит пары серебряных монет за молчание, – думала она, – но если он попросит золотой лорн, то получит и его».

Королева Анхейлис с балкона наблюдала за суетой во дворе. Король решил развлечь себя и свой двор соколиной охотой в этот солнечный день. Из конюшен уже выводили лошадей, из псарни собак, сокольничий готовил птиц. Охотники собирались во внутреннем дворе замка. Королева любила выезжать на охоту, но с недавних пор принимать участие в подобных мероприятиях стало для нее невозможным, и сейчас она с тоской смотрела на сборы.

Анхейлис решила пожелать своему мужу хорошего дня. В сопровождении дам из своей свиты, она вышла на лестницу и встретила там принцессу Эрис, тоже спускающуюся во двор.

Темные волосы принцессы были заплетены в косу; одета она была в мужской костюм и высокие сапоги, удобные для верховой езды.

– Матушка, – улыбнулась Эрис, – вы снова останетесь в замке?

– Конечно, – ответила королева. – Как бы мне не хотелось поехать с вами, увы, мне опасно ездить на лошади. Ты ведь сама знаешь.

– Как Вы себя чувствуете сегодня?

– Утренняя слабость прошла, и теперь я чувствую себя вполне хорошо.

– Тогда почему бы Вам не присоединиться к нам? Вы можете ехать медленно.

– Ну что ты, Эрис, мне лучше поберечься.

Они вышли из широких дверей во внутренний двор. Главные ворота замка уже были открыты, подъемный мост опущен, и сквозь проем виднелись улицы города, освещенные еще не жарким утренним солнцем.

Король Ривальд восседал на своем вороном жеребце. Рядом стояла лошадь Эрис, ее держал за поводья один из оруженосцев короля – Сайн Талед, полноватый молодой человек с непослушными кудрявыми волосами.

– Наконец-то! – сказал король, увидев Эрис. – Что же вы, женщины так долго собираетесь? Тебя все заждались.

Эрис извинилась за опоздание и села в седло. Анхейлис и ее дамы пожелали охотникам удачи, и король со свитой выехал из замка.

Принцесса Эрис была столь же неумоима, как и ее отец. Она практически всегда находилась подле короля, где бы он ни был. Даже когда король отправлялся объезжать свои владения, а это могли быть долгие путешествия, она предпочитала ехать с ним. Король не был против, но с условием, что ее сопровождали несколько дам, чтобы дочь не находилась одна в мужской компании среди его людей.

Королева, напротив, предпочитала жить в Вальдане – столице королевства Луарон, и практически не выезжала из Вальданского замка, жизнь в котором была комфортнее, чем где бы то ни было в королевстве.

Авэйна сидела в библиотеке у окна на широкой лавке, на мягких подушках – своем любимом месте. Перед ней на столе лежал тяжелый манускрипт о строении небесных сфер, и принцесса увлеченно читала страницы одну за другой. Это была старинная книга, но далеко не первая из старинных, которую читала Авэйна, и принцесса легко справлялась со строками плотного текста без пробелов, ведь в прежние времена было принято писать именно так.

Придворный алхимик и врач Азистор Гаттэлан сидел за другим столом у соседнего окна и сосредоточенно переписывал древний труд по медицине, добавляя свои комментарии. Иногда он почесывал короткую седую бороду и поправлял сползающие с носа складные очки. Пожилая фрейлина расположилась в кресле в дальнем конце зала с раскрытым томом новелл на коленях и еле слышно посмеивалась над прочитанным. Паж Кайль, забравшись на лестницу, искал на верхних полках какую-то редкую книгу для Авэйны.

Двери библиотеки скрипнули, и вошла королева Анхейлис. Она была одна. Ее свита осталась за дверью, чтобы не нарушать тишину этого места. Воздух наполнился запахом роз и пряностей. Любимые духи королевы пахли как десерт, подаваемый на пикнике в весеннем цветущем саду.

Алхимик, фрейлина и паж поклонились ее величеству. Авэйна же с трудом оторвалась от своего чтения.

– Дочь моя, я так и знала, что найду тебя здесь. – Анхейлис, шурша платьем из парчи, присела рядом с принцессой. – Ты даже не вышла проводить отца на охоту.

– Он уже уехал? – удивилась Авэйна. – Я зачиталась и не заметила как прошло время.

– Тебе ничего не интересно, кроме твоих книг. Ты совершенно не дышишь чистым воздухом, а только пылью библиотеки и благовониями церкви. Лучше бы ты поехала на охоту.

– Матушка, мне это скучно и не интересно. Я знаю, что вы сами хотели бы поехать, но не можете. Не все имеют одинаковые желания.

– Да, я бы хотела. А ты имеешь такую возможность и не пользуешься ею. Эрис, напротив, не пропускает ни одного конного выезда.

– А не пыталась ли Эрис уговорить вас поехать?

– Нет, она просто предложила. Она еще не знает, что такое беременность.

– Я так и знала! Это выдает ее недобрые намерения, – взволнованно сказала Авэйна.

– Что ты имеешь в виду, дочь моя?

– Матушка, вы разве до сих пор не заметили, что больше всего на свете Эрис боится, что у вас родится сын?

Королева, услышав это, нахмурила брови.

– Почему ты позволяешь себе говорить так о своей старшей сестре? Эрис понимает меня, она тоже любит охоту, и она не желает мне ничего дурного! К тому же, почему ты решила, что родится мальчик, ведь может быть снова девочка.

– Но может быть и мальчик.

Анхейлис погладила себя по животу.

– Мне все равно кто родиться. Я буду любить и сына, и дочь, – королева улыбнулась, поправляя рыжий локон, выбившийся из ее аккуратной сложной прически.

– А отец хочет сына, – не унималась Авэйна, – и говорит о будущем ребенке, только как о сыне. Это будит в Эрис ненависть к еще не родившемуся младенцу! Она часто бывает с отцом, интересуется его делами, в той мере, в какой он ей это позволяет. И она постоянно слышит от него о наследнике, которого он так ждет! А ведь всегда наследницей была она.

– Авэйна, откуда у тебя такие мысли? – удивилась королева. – Ты же праведная, добрая девушка. Почему ты так плохо думаешь о своей сестре? У нее нет причины ненавидеть наследника, ведь она выйдет замуж за короля Гвилема из Гриадора, когда тот вернется из паломничества. Она уже давно ему обещана.

– Эрис никогда его не видела. И она прекрасно понимает, что в его королевстве ее голос будет последним после него и его матери. Лардана Гриадорская ведь уже исполняет обязанности регента, пока король Гвилем путешествует в святые земли. И неизвестно еще, вернется ли он оттуда, мало ли что. А Эрис погрязла в злых мыслях, я это вижу по ее лицу. И в храме она скучает и зевает, видно что только и ждет, когда закончится служба.

– Зато ты только и делаешь, что молишься и читаешь. Эрис интересуется охотой и делами короля, Амилла играет на лютне, поет и прекрасно танцует. А ты сидишь за книгами целыми днями как монахиня, избегаешь общества дам. И это даже немного неприлично.

– Мне не интересно общество дам. Я читаю не развлекательные стишки о невозможной любви, как Амилла, а труды ученых богословов и алхимиков, и знаю об этом мире уже гораздо больше многих. И все эти песенки с танцами я нахожу пустыми забавами и ерундой, а разговоры придворных дам скучными и бессмысленными.

– Авэйна, тебе следует унять свое высокомерие. Благородная девушка должна уметь поддерживать светский разговор даже на простые темы.

– Я это умею, матушка, но мне не хочется и не интересно.

Анхейлис вздохнула и поднялась. Она решила вернуться обратно к дамам.

Авэйна продолжила читать манускрипт о строении небесных сфер, и читала достаточно долго, пока не заметила, что пожилая фрейлина, сидевшая в дальнем конце библиотеки с томиком новелл на коленях, задремала, откинув голову на спинку кресла. Тогда принцесса тихо подошла к Азистору Гаттэлану и заявила о своем намерении пойти в сад.

– Пожалуйста, не будите бедную дэйну. – Авэйна покосилась на спящую фрейлину. – Ее мучает бессонница по ночам.

– Тогда, позвольте, я провожу вас, – алхимик неохотно поднял голову от своей работы.

– Я не хочу отвлекать вас от дела, которым вы так увлечены, – ответила принцесса. – Меня проводит Кайль.

Услышав это, паж оставил книги и спустился с лестницы. Алхимик не был против, он не хотел отрываться от своего труда. Как только они вышли за дверь, Авэйна приказала Кайлю оставить ее. Она умела улизнуть от надзора фрейлин не хуже своей сестры Амиллы. Авэйна хотела пройтись по саду наедине со своими мыслями.

В замке было тихо, двор был пуст. Принцесса направилась в сад. Там, под кронами деревьев, было прохладно и свежо. Благоухала сирень, птицы заливались на разные голоса.

Авэйна гуляла по мощеной камнем дорожке, и дойдя до садового фонтана, присела на скамью. Она наслаждалась журчанием воды, пением птиц и запахом цветов, и размышляла о том, что прочитала в манускрипте про небесные сферы, когда вдруг заметила движение за кустом сирени. Ей показалось, как будто рыжие волосы блеснули на солнце.

Она встала, подошла ближе, отодвинула полные цветов ароматные ветви, и чуть не лишилась чувств от увиденного. Там была принцесса Амилла вместе с садовником. Этот негодяй целовал ее младшую сестру, обхватив руками за талию, а Амилла даже не думала сопротивляться.

– О, всевидящий Олэм! Что я вижу! – ахнула Авэйна, – Ты... моя сестра! Какой позор! Я думала, ты на охоте, а ты здесь... у меня нет слов!

Садовник и принцесса Амилла насмерть перепуганные, отпрянули друг от друга.

– Авэйна, никому не говори, – пыталась убедить сестру Амилла, но та не обращала на ее слова никакого внимания.

– Как ты посмел? – Авэйна гневно посмотрела на садовника, и закричала, хватая за руку попытавшуюся ретироваться сестру: – Стража, сюда! Стража!

Глава 2

На зов принцессы Авэйны прибежали два дозорных.

– Ведите за мной этого ублюдка! – скомандовала Авэйна, указав на садовника, который растерянно оглядывался вокруг, будто ища спасения, но не смел убежать.

Авэйна повела сестру в дворцовую часть замка, крепко держа за запястье. Амилла пыталась вырваться, говорила, что никуда не пойдет, но Авэйна была посильнее, и тащила сестру за собой. Стражники еле сдерживали себя, чтобы не засмеяться.

Услышав шум во дворе, из окон начали выглядывать слуги, придворные дамы, и вскоре сама Анхейлис вышла на балкон. Удивлению ее не было предела, когда она увидела эту картину. Авэйна со своими пленниками уже приближалась ко входу в дворцовую часть замка, и у нее практически не оставалось сил тащить за собой сестру.

– Что случилось? – Королева наклонилась над перилами балкона.

– Матушка, я не буду кричать на весь замок. – Принцесса Авэйна подняла голову, и мать увидела ее полные отчаяния глаза. – Велите Амилле подняться к Вам, и она сама Вам все расскажет.

– Поднимитесь ко мне обе, – приказала королева.

– Зачем ты хочешь рассказать все матушке? – негодовала Амилла, когда они шли по лестнице. – Как тебе не стыдно ябедничать?

– Это тебе должно быть стыдно! – возмутилась Авэйна. – Кто бы мог подумать! Чтобы ты, принцесса, так низко пала!

Они вошли к матери. Дамы, находившиеся при королеве, с интересом смотрели на принцесс.

– Так что же случилось? – Анхейлис стояла, уперев руки в бока.

– Говори сама. – Авэйна строго посмотрела на сестру.

Амилла взглянула на нее исподлобья.

Королева знаком приказала дамам удалиться. Те, проходя к двери мимо принцесс, с любопытством поглядывали на растерянную Амиллу. Только одна из дам, молодая девушка с темными кудрявыми волосами, взглянула на младшую принцессу с сочувствием.

– Как вы объясните то, что я видела во дворе? – спросила королева, переводя взгляд от Авэйны к Амилле.

– Ничего не произошло, – тихо сказала Амилла, – кроме того, что ваша средняя дочь впала в помешательство. Надеюсь, оно носит временный характер.

– Ах ты, развратница! – возмутилась Авэйна. – Это я-то впала в помешательство? Матушка, истина в том, что Амилла лишилась рассудка! Я шла по саду и случайно увидела, как она с садовником... Я даже не могу это произнести...

С каждым словом Авэйны взгляд королевы становился все более напуганным.

– Что с садовником? – Анхейлис подошла к Амилле, и подняв ее лицо за подбородок, гневно посмотрела ей в глаза.

– Да! Я с садовником, – сказала Амилла, – в саду... беседовала о том, как выращивать розы! Вы же знаете, матушка, как я люблю цветы. А моя сестрица почему-то считает, что разговаривать с садовником принцессе негоже. Но ведь мы все равны перед Богом, правда, сестра? – Амилла нагло посмотрела на Авэйну.

– Ты еще и лжешь! – Авэйна окончательно разозлилась.

– Я не лгу! – возразила Амилла. – Это действительно было.

– Допустим, а что было потом? – спросила Авэйна, но не дождавшись ответа от сестры, продолжила: – Ладно, тогда я сама скажу, что они там делали! Они развратничали! Вы представляете, матушка?

Анхейлис пришла в ярость и залепила своей младшей дочери пощечину.

– Ах ты, мерзавка! – воскликнула она, – как тебе в голову пришло делать такое?

– Не преувеличивай, Авэйна, – лепетала Амилла. – Я просто один раз поцеловала его, и все! Не наказывайте его строго, пожалуйста, матушка.

– Сначала просто поцелуй, а потом не заметишь, как живот начнет расти, – перебила ее королева. – Радуйся, что отец на охоте, но когда он приедет, и узнает... О, всевидящий Олэм, как же я ему об этом скажу? Что я не доглядела, что допустила такое! Ты позоришь наш род!

Анхейлис ходила по комнате, причитая.

– А вы и не говорите ему, матушка. – Амилла опустила глаза. – Лучше накажите меня сами.

– Пожалуй, ты права, – сказала королева, немного успокоившись. – Дочери, не говорите ничего королю Ривальду. Он прикажет вздернуть этого несчастного садовника на виселице. Лучше я прямо сейчас вышлю этого балбеса из города, запретив ему когда-либо возвращаться. Это будет гуманнее. А ты, Амилла, кажется, недостаточно усвоила уроки, которые тебе преподавали годами. Поэтому необходимо возобновить обучение. Одна из моих благочестивых почтенных фрейлин будет приходить к тебе в покои каждый день, когда колокол бьет первый утренний час, и читать вслух книгу «Наставления и правила поведения для благородных девиц» Пекорэ Белано, вплоть до начала завтрака. Когда вы прочитаете всю книгу, то начнете заново. И так в течении тридцати дней, по истечении коих ты должна будешь подробно пересказать мне каждую главу. Если ты что-либо не запомнишь, чтения будут продлены еще на месяц.

Амилла вздохнула. Авэйна согласилась с Анхейлис, что это происшествие нельзя предавать огласке, чтобы не позорить королевскую семью и не накликать гнев короля. Но невольными свидетелями скандала стали два стражника, придворные дамы и некоторые слуги. Они не видели самого факта грехопадения принцессы Амиллы, но догадывались, в чем здесь дело. Поэтому невнятные слухи начали расползаться по замку.

Служанка придворной дамы Сидонии поведала своей госпоже о том, как она, отправившись к колодцу за водой, увидела краем глаза, как принцесса пошла с садовником в кусты. Сидония была не менее болтлива, чем ее служанка, и рассказала своей подруге, молодой Хелиде, будто не ее служанка, а она сама видела эту сцену, по дороге в храм. А Хелида водила дружбу с Памфилой, дочерью главного королевского сокольничего, с которой сразу же поделилась интересной новостью. Хорошей подружкой Памфилы была сестра Бримона Дорнэля, Камиэлла. Памфила не то, что не смогла, она и не пыталась скрыть эту новость от своей подруги. Камиэлла незамедлительно рассказала все брату.

Слухи ползли, обрастая все новыми вымышленными подробностями. Вопреки этому, король Ривальд оставался в неведении. Любители сплетен боялись его разгневать.

Утром следующего дня Амилла вместе с королевой и своими сестрами вошла в полный людей большой зал замка и заметила, что сегодня приковывает к себе внимание больше обычного.

Некоторые придворные не сводили с нее глаз, даже после того, как поклонились ей в знак приветствия. Особенно дамы. Рыцари короля не позволяли себе такого. Им, по большей части, не было дела до глупых сплетен. Бримон Дорнэль кинул на младшую принцессу взгляд, полный гнева, и презрительно отвел глаза. Его прямые каштановые волосы сегодня были нарочито аккуратно причесаны и уложены.

Слуги уже собрали столы и носили свежий хлеб, миски с теплой овсяной кашей, блюда с сыром и вялеными грушами, жареную птицу и кувшины с медовым напитком. Пол был устлан свежим тростником вперемешку с ароматными травами. На полу у главного стола, за которым расположилась королевская семья, сидели три любимых борзых короля в ожидании, что им тоже что-нибудь перепадет. Придворный менестрель Аустор Озиль негромко играл на лютне и напевал балладу о ратных подвигах короля Ривальда. Рядом с ним сидел его брат Аморос Озиль, готовый в любой момент его подменить. Аморос имел обыкновение петь канцоны о королеве Анхейлис, восхвалявшие ее недоступную красоту, ум и благодетель.

Когда явился король и сел за стол, завтрак начался. У Амиллы совершенно не было аппетита, ей хотелось провалиться сквозь землю. Она то и дело поглядывала на отца, пытаясь понять, знает ли он что-нибудь, но король был сегодня в отличном настроении. Амилла облегченно вздохнула, и хотела уже начать завтракать, когда к ней из другого конца зала прикувыркался шут Пелардит. Амилле он никогда не нравился, она находила его неприятным и несмешным. Его серые глаза, обрамленные черными ресницами, смотрели задорно из-под густых бровей, а толстые губы расплзлись в улыбке. В руке он держал жалкую веточку с полувядыми цветами сирени и погружал в нее свой острый нос, как будто наслаждаясь запахом.

– Ваше высочество! – изрек Пелардит, протягивая Амилле завядшую сирень. – Приласкайте меня! Я молод и красив, и я подарю вам эти чудесные цветы!

Амилла услышала хихиканье в зале и покраснела то ли от злости, то ли от стыда.

Королева Анхейлис и Эрис оживленно беседовали с королем, и тот не обращал никакого внимания на шута. Он привык, что шут ведет себя развязно, на то он и шут. Только Авэйна косилась на Амиллу.

– Не приближайся ко мне, убогий! – нервно приказала принцесса.

– Вы же любите цветы, прекрасная Амилла! – причитал шут, отползая к стене.

Пелардит устроился за спиной у принцессы на полу у стены, рядом с собаками, и принялся изображать глубокие страдания от неразделенной любви.

– Мое сердце разорвется! – стонал Пелардит. – О, жестокая! Жестокая моя участь!

Шут обнял одну из борзых, и глядя ее, издавал звуки, похожие на рыдания. Принцесса не выдержала и запустила ложкой в неугомонного шута. Собаки подскочили, думая, что принцесса кинула лакомство для них.

Авэйна, сидевшая рядом с младшей принцессой, толкнула ее локтем, и прошипела:

– Веди себя прилично.

– Ваше высочество, если вы намерены и дальше бросать в меня то, что лежит на столе, то киньте вон ту поджаристую куропатку! – Пелардит неприятно улыбался.

– Отец! – не выдержала Амилла и обратилась к королю. – Этот шут мешает мне завтракать!

Ривальд приказал шуту не подходить больше к королевскому столу.

– Как прошли утренние чтения? – ехидно спросила сестру Авэйна.

Амилла ничего ей не ответила, она не хотела с ней разговаривать вовсе.

Бримон выводил коня для короля из прохладного полумрака конюшни в оживленный, освещенный солнцем двор. Другие оруженосцы несли из арсенала шлемы и доспехи для Ривальда и его воинов, слуги тащили тренировочные копыя в сторону рыцарской башни, через ворота которой можно было выйти на ристалище, находившееся у подножья замка, где уже собирались участники утренних упражнений.

Переступив порог, Бримон замер, давая дорогу шумной процессии. Группа дам, возглавляемая принцессой Эрис, направлялась к той же башне – с ее верхних галерей открывался лучший вид на предстоящую конную тренировку рыцарей. В замке не так уж и много было

развлечений. Чуть позади Эрис шла принцесса Амилла под руку с темноволосой девицей Тайрис Трайль.

Бримон поклонился дочерям короля и дамам, держа коня под уздцы. Увидев его, Амилла сказала что-то на ухо Тайрис. Оруженосец отвел глаза, но принцесса остановилась рядом с ним и погладила черного жеребцу гриву, заплетенную в косы красными лентами. Конь легко толкнул носом ее руку, выказывая свое расположение.

Тайрис и еще три девушки задержались, ожидая принцессу.

– Мой отец решил сегодня потренироваться на своем любимом коне, не дав ему отдохнуть после вчерашней охоты? – Амилла не знала, с чего начать разговор.

– Даже ценный конь должен готовиться к бою вместе с его хозяином, – холодно ответил Бримон. – А вы, я полагаю, вчера имели охоту другого рода.

Принцесса подошла ближе к оруженосцу так, чтобы девушки не могли их слышать. Тайрис Трайль тем временем старательно рассказывала фрейлинам что-то интересное, занимая их внимание.

– Вам нет никакого оправдания, – выпалил Бримон.

– Я безмерно сожалею, – Амилла хотела сказать что-то еще, но Бримон перебил ее.

– Наши с вами встречи были ошибкой, – тихо, но жестко сказал он. – Я не ожидал от принцессы такого распутства. Вы променяли меня, знатного дворянина, будущего рыцаря, на какого-то простолюдина с красной от солнца шеей! Я думал, что вы меня любите, и оправдывал этим ваше легкомыслие. А вы, оказывается, просто распущенная и похотливая, как обозная девка! Я должен был догадаться об этом раньше, ведь вы так легко дали мне ключ от женских покоев. Каким я был наивным!

– Обозная девка? – Амилла подняла бровь. – Как вы смеете так мне дерзить? Не приходите ко мне больше!

– Ха, после такого приходите к вам? Вы, должно быть, шутите? Я и не собирался!

Конь тем временем начал фыркать, переступать с ноги на ногу и поднимать голову, и Бримон уже с трудом его держал.

– Тогда верните ключ, – сказала Амилла.

– И не подумаю! Пусть останется у меня. А то вдруг он окажется у какого-нибудь простолюдина. Или может мне лучше сразу отдать его вон тому конюху? – Бримон указал взглядом в сторону слуги с пивным животом и расплюснутым в драках носом, который вел мимо них двух лошадей для рыцарей.

– Я не могу больше слушать эти оскорбления, – прошептала принцесса Амилла. –

Верните ключ. Мои служанки испытывают затруднения с одним ключом на двоих.

– Мне это абсолютно безразлично. – Бримон нарочито глубоко поклонился и повел коня вперед. Амилла отшатнулась в сторону. Девушки тут же окружили ее.

– Отчего это Рок сегодня такой беспокойный, – сказала одна из девиц, провожая взглядом черного жеребца.

Амилла выразила желание вернуться в свои покои, сказав, что ей нехорошо после слишком плотного завтрака. Оставшись лишь в обществе служанки Инэтты, она принялась играть на лютне и сочинять канцону о разбитом сердце. Но канцона не задалась, потому что Амилла так и не решила, о ком в ней пойдет речь, о Бримоне или о красивом садовнике, который попросил поцелуй принцессы за свое молчание, и тут же был изгнан из города. И она не видела, как в конце тренировки, когда на ристалище рыцарей заменили оруженосцы, Бримон два раза подряд вышиб из седла своего друга Сайна Таледа, к большому неудовольствию последнего.

В церкви никого не было кроме принцессы Авэйны и отца Абенара, главного служителя замкового храма. Высокие окна светились вечерней синевой. Авэйна любила этот плотно-синий цвет неба. Ее охватывало чувство благодарности Олэму за красоту природы.

Отец Абенар был одним из немногих людей, кто, по мнению принцессы, хорошо ее понимал. Он был уже не молодым, и не жалел прожитых лет, которые посвятил служению богу. Авэйна пришла к нему, надеялась обсудить с ним то, что она прочитала в книге о небесных сферах, но священнослужитель завел разговор совсем на другую тему.

– Дитя мое, – сказал Абенар, – похоже, вам придется связать себя узами брака раньше, чем остальным вашим сестрам. Его величество король Ривальд намерен закрепить военный союз с королевством Аншора. Вы уже давно были обещаны как невеста для сына короля Эдрета Аншорского – Альреда. Напряжение в отношениях с другим нашим соседом, королем Бергедона, возросло, и ваш отец, кажется, не намерен тянуть с вашим браком. Сейчас идут активные переговоры об этом деле с аншорскими послами. Недолго осталось ждать того дня, когда принц Альред приедет за вами сюда, в Вальдану.

– Не могу сказать, что это неожиданная новость для меня, святой отец. – Авэйна пыталась оставаться сдержанной, но ее руки мяли шелковый платок, который она накинула на плечи, спасаясь от вечерней прохлады. – Моя жизнь изменится до неузнаваемости, ведь мне придется уехать далеко отсюда, и жить при дворе короля Эдрета Аншорского, и я не знаю, смогу ли я вести там привычный образ жизни. Но воля моего отца для меня закон. Я слышала, что принц Альред достойный рыцарь, и я буду рада с ним познакомиться.

Глава 3

День стоял теплый для середины осени. Солнце припекало как летом, но холодный ветер напоминал о том, что ясных дней осталось не так много.

Сегодня утром, собрав шатры после ночевки, аншорские всадники отправились в дорогу в предвкушении, что до конца дня они придут ко двору короля Ривальда.

Принца Альреда в его путешествии сопровождал его дядя Кейрид, герцог Аверидских земель, младший брат короля Эдреда Аншорского. А также рядом с принцем как всегда был оруженосец Анхельм Шорн – его кузен по линии покойной матери.

Белый плащ Альреда украшал черный дракон, такой же как на флаге, который везли знаменосцы. Герб герцога Кейрида отличался – он был разделен на четыре части, где два аншорских королевских дракона на белом поле соседствовали с двумя золотыми волками на черном.

Чем ближе путники подъезжали к столице Луарона – Вальдане, тем оживленней становился тракт. Заметив аншорский отряд с яркими флагами, простой люд спешил уступить дорогу. Крестьяне отводили к обочинам своих мулов и лошадей, возчики оттаскивали телеги с наезженной колеи, а пешеходы кланялись, стоя в пыльной траве на обочинах, и провожали любопытными взглядами благородных путников и их длинный обоз. За аншорским принцем и герцогом ехали их рыцари, оруженосцы и пажи, несколько повозок и слуги. В конце колонны вели запасных лошадей.

Вальдана показалась вдали, окруженная высокими стенами и рвом. Королевский замок, построенный на вершине холма, поднимался над городом. Его высокие башни заканчивались острыми как иглы шпилями. Огибая город, серебрилась река Арва. Ее пересекали два длинных моста. На другом берегу виднелись дома новых поселений, у воды вращались колеса мельниц. Рыбачьи и грузовые лодки медленно двигались по широкой глади реки.

Когда с дозорных башен были замечены долгожданные гости, звуки труб растеклись по долине. Навстречу гостям из ворот города выехали герольды и знаменосцы с лазурными флагами Луарона, на которых были изображены три золотистых дерева, сплетающих друг с другом ветви, и белый кречет над ними.

Герольд приветствовал аншорцев официальными речами, знаменосцы скрестили флаги. С такими почестями иноземные гости въехали в столицу. Горожане столпились вдоль улиц, и выглядывали из окон, с интересом наблюдая за процессией.

Король Ривальд сидел на своем троне на возвышении, рядом с королевой. Живот Анхейлис был уже совсем большим, и скоро она должна была разрешиться от бремени. Дитя в ее чреве непомерно много толкалось. Ривальд не раз говорил, что так брыкаться может только мальчик. Эрис и Амилла стояли возле матери. Авэйна встала у трона короля. Придворные расположились по бокам зала, освободив середину для прохода аншорских гостей.

Сегодня будущая невеста принца долго выбирала, какое надеть платье – белое с серебряной вышивкой, символизирующее непорочность и с намеком на герб Аншоры, или голубое с золотой вышивкой, в цвет герба Луарона и отсылкой к небесной чистоте и солнцу. Авэйна решила надеть голубое платье, подумав, что она еще не знает аншорского принца, и не правильно было бы выказывать излишнего расположения до знакомства. Королева Анхейлис похвалила ее выбор.

На улице было еще светло, но в зале уже зажгли свечи и масляные лампы, ведь дневной свет плохо проходил через окна, застекленные большим количеством мелких, довольно мутных стеклышек. Стены были завешены гобеленами, изображавшими сцены победоносной войны с язычниками. Над самым большим камином висели знамена с гербами Луарона и Аншоры.

Главный герольд официально объявил о прибытии гостей на старинном языке Лотонской империи. Трубачи сопровождали эти торжественные речи величественной музыкой, после чего в зал вошел принц Альред Аншорский, звеня золотыми шпорами. Он был в красивых идеально отполированных доспехах, но без латных перчаток и с непокрытой головой. Принц был высок, у него были широкие плечи, или же казались таковыми из-за доспехов. Волосы цвета гречишного меда обрамляли вытянутое лицо. Подстриженные не слишком коротко, они завивались волнами. Шлем с навершием в виде дракона нес за принцем его оруженосец и кузен – молодой граф Анхельм Шорн. Анхельм был немного ниже ростом, чем принц. Его щеки сияли румянцем, а густая светлая челка лезла в глаза, но он не спешил поправлять ее рукой, чтобы не нарушать торжественность. Он попробовал на нее дунуть, но это не помогло, и оруженосец раздраженно тряхнул головой.

За ними шел герцог Кейрид Аверидский, также в доспехах без шлема. Кейрид был заметно старше принца, не такой высокий, но более крепкий на вид, с широкой грудью и толстой шеей. У него были темные короткие волосы и аккуратно подстриженная рыжая борода. Следом за принцем и герцогом в зал влилась их свита, одетая в цвета их гербов.

Авэйна оценила как достойно принц Альред и его дядя Кейрид подготовились к встрече.

Эрис увидела намек на их готовность оказать военную поддержку в том, что они были одеты в доспехи. Также она заметила, что свита их делится как будто на две части – одни были людьми принца Альреда, другие – герцога Кейрида.

Амилле же, благодаря тщательно созданному антуражу, принц показался очень красивым, как рыцарь из древних легенд, и она не могла отвести от него взгляд. Ее сердце тут же оказалось разбитым, ведь его невестой была не она.

Король Ривальд встал с трона и поприветствовал принца Альреда церемониальным рукопожатием и учтивыми речами на лотонском языке. Потом подошел к герцогу Кейриду и крепко обнял его.

– Старый волк! – сказал Ривальд на луаронском наречии, хлопая герцога по плечам, – как твои раны с Гертлейнской битвы?

– Рубцы крепче доспехов, ваше величество, – ответил Кейрид, смеясь.

После обмена дорогими подарками с королевской семьей, аншорские гости отправились в предоставленные им покои мыться, переодеваться и отдыхать. Королевская семья и придворные тоже покинули зал, а слуги начали собирать столы для предстоящего пира.

За окнами уже стемнело. Свет масляных ламп и факелов дрожал от сквозняка, но четыре больших камина давали достаточно тепла. Зал был полон пряных запахов, гудел от разговоров и музыки. Красочные гербы висели повсюду: кроме луаронского белого кречета, парящего над золотыми деревьями, и аншорских черных драконов на белом, целая галерея геральдических животных и символов растянулась по периметру стен. Присутствовали гербы всех уважаемых фамилий высшей знати, представители которых были в зале.

Гостей рассадили по протоколу. Принц Альред занял место по правую руку от короля, рядом с ним его невеста Авэйна, а затем принцесса Эрис. Слева от Ривальда находилась королева, потом герцог Кейрид и Амилла. Принц хоть и сидел ближе к королю, Ривальд больше разговаривал с Кейридом. Королева, находясь между мужем и герцогом, принимала посильное участие в беседе.

Слуги приносили все новые блюда. Стол ломился от разных видов дичи. Разливали вина: за главным столом самые лучшие, за дальними более низкого качества, но все же достойные королевского пира. Было много тостов за принца Альреда и союз с Аншорой, за короля Ривальда и его семью, за герцога, и по другим славным поводам.

Придворные короля не скрывали интерес к многочисленным аншорским гостям. Луаронцы по большей части не испытывали трудностей в понимании их диалекта, и наоборот.

– Уважаемые мои гости, – громко провозгласил король, и разговоры в зале утихли. – Я имею в своих планах устроить рыцарский турнир в честь помолвки его высочества принца Альреда и моей дочери Авэйны. Буду рад пригласить вас и ваших воинов, кто будет иметь на то желание, принять в нем участие, для нашего общего развлечения.

– Я надеюсь, что не обижу вас, ваше величество, если предпочту роль зрителя. Не хочу отбирать победу у молодых, – ответил герцог Кейрид и покосился на своего племянника.

– Я с удовольствием покажу свою силу на турнире, – сказал принц Альред, поглядывая на дядю, – ведь я не из тех, кто боится поражения. Принимать проигрыш с честью это наука, которой некоторые не могут научиться годами, поэтому стараются избегать схваток.

– Дэйн Альред, я рад вашему согласию, – король улыбнулся, а после обратился к герцогу: – А мы с вами, дэйн Кейрид, давно заслужили быть на турнире верховными арбитрами. И я предлагаю вам эту роль.

– Сочту за честь, ваше величество, – ответил тот, учтиво кивнув.

Посередине зала жонглеры показывали акробатические номера и занимали внимание тех, кто не был вовлечен в разговоры. Шут Пелардит тоже не забывал о своих обязанностях. Он прохаживался рядом со столами, звеня бубенчиками на шапероне и руках. Сегодня у него был праздничный наряд, сочетающий столько цветов одновременно, что людям, разбирающимся в законах геральдики, было особенно больно на это смотреть.

– Как думаете, Ваше Высочество, кто сильнее, – спросил шут, проходя мимо Эрис, – старый волк, или не так давно вылупившийся из яйца дракон, но уже имеющий стальные когти?

– Очевидно тот, у кого более верная и сильная стая, – ответила принцесса.

У Авэйны Пелардит попросил королевского вина, уповая на ее снисходительность и альтруизм, и даже обещал спеть гимн, прославляющий Эмаата – воплощенного посланника божьего, но принцесса сочла эти речи кощунственными, и прогнала его.

Дойдя до принцессы Амиллы, шут сказал:

– Принцесса, ваш взгляд так пылок, что способен сжечь. Будет неудобно, если сгорит один из наших уважаемых гостей. Смотрите лучше на меня, я готов ради вас превратиться в угли.

– Ты как вода, своим неприглядным видом потушишь любое пламя, – младшая принцесса презрительно поджала губы.

Пир длился до ночи, и после ее наступления зал все еще был полон людей. Настал момент, когда отправились спать все дамы, включая королеву и ее дочерей. Для женщин считалось неприличным продолжать пировать после того, как колокол пробьет ночь.

Король Ривальд и герцог Кейрид бесконечно вспоминали времена своей юности, когда они плечом к плечу воевали с язычниками, почитателями богини Мо, на северных границах Эмаатского мира. Альред заскучал, слушая их, потому что эти истории его дядя рассказывал уже сотни раз. Принц, поклонившись королю, и попросив прощения, пересел за боковой стол к Анхельму, который пил вино в компании оруженосцев короля Ривальда, и кажется нашел с ними много общих тем для обсуждения.

– Моему племяннику его любимый кузен дороже королевского стола, – прокомментировал это герцог Кейрид.

– Что ж, мой друг, – голос Ривальда был низким и мягким, – в такой поздний час правила протокола уже не работают, и все вольны сидеть там, куда их зовет душа. А моим ребятам будет полезно пообщаться с принцем и его оруженосцем, как с более опытными воинами.

Когда Альред сел за стол к Анхельму, тот оживленно беседовал с Бримоном, Данэлем, Сайном и Гаррэтом. При появлении принца они прекратили свои разговоры и переключили

все внимание на него. После тостов за принца и за короля Ривальда, они начали расспрашивать Альреда о его боевом опыте.

Оруженосец и принц рассказывали о том, как они с войском короля Эдреда Аншорского брали замок Итольстром, принадлежавший самовольному и влиятельному барону Югрэйд, который презрел клятву, данную королю, и вышел из-под его контроля, занявшись разбоем и похищением знатных господ, чтобы требовать за них выкуп. Принц Альред вел себя храбро и доблестно, и его посвятили в рыцари прямо в Итольстроме. Анхельм тоже отличился в этой битве, но все еще оставался оруженосцем в силу молодого возраста. Ему предстояло получить титул рыцаря только через пол года, когда ему исполнится девятнадцать лет – таковы были правила и в Аншоре, и в Луароне. Альред был старше своего кузена на три года, и во время взятия Итольстрома он уже достиг необходимого возраста, чтобы стать рыцарем. Оруженосцы короля тоже могли бы уже быть посвящены, но Ривальд тянул с этим, ожидая от них каких-то особенных заслуг.

– Итольстром находится в горах, и подойти к нему можно было исключительно со стороны главных ворот, – рассказывал принц Альред.

– Дорога туда была ужасная, – подхватил Анхельм, – как будто Югрэйд не чинил ее с тех пор, как она перестала быть главным путем через перевал, а это две весны или больше.

– Да, мой отец король Эдред построил большой мост через ущелье неподалеку, и Югрэйд был этим недоволен. И вот мы с королевским войском, которым командовал герцог Кейрид, отправились усмирять этого барона, – продолжил Альред. – Подкопы и мины мы использовать не могли, замок стоял на скалах.

– Там даже деревьев почти не было, одни колючие кусты и репейник, – добавил Анхельм. – Дрова были на вес золота. То еще местечко. Зато камней бесконечное число.

– Камни нам пригодились – мы привезли с собой мангонели, – говорил Альред. – Но как же это было долго! Много дней потребовалось, чтобы разбить ими стену. Когда стена обвалилась, то осыпалась прямо в ров. Получился готовый мост для штурмующих. Ров этот, правда, был скорее расщелиной между скалами.

– Если бы у вас были бомбарды, какие есть у нашего короля Ривальда, стена бы рухнула в первый же день, – гордо заявил Бримон.

– А если бы не рухнула, ваш мятежный барон сдался бы от страха, – добавил Данэль.

– Я видел испытания, – закивал Гаррэт. – Бомбарда издает такой грохот и дым, как будто сам дьявол явился на землю.

– И испустил газы, – пошутил Бримон, но засмеялся только Сайн.

– Мой отец не признает такое оружие, – сказал Альред. – Он говорит, что бомбарды сильно уступают большому требушету в пробивной силе, и опасны в обращении. Но я хотел бы на них посмотреть.

Они говорили долго, прервавшись, только чтобы поклониться королю, который, уставший, но веселый, покидал зал вместе с герцогом Кейридом, после чего молодые люди продолжили свои обсуждения.

Мимо их стола шаткой от вина походкой шел Пелардит, пританцовывая, чтобы бубенцы сильнее звенели.

– Мужчины только и говорят, что о битвах и турнирах, – сказал шут, – а женщины бы хотели, чтобы говорили о них. Дайте мне вина, славные воины, и я вам предложу загадку на тему, которую вы так горячо обсуждаете. А конкретно о взятии крепостей и замков.

Данэль хотел прогнать шута, но Сайн поднял со стола кувшин, в котором оставалось совсем немного вина, и протянул ему.

– О, спасибо, господин Сайн, – шут поклонился. – Слушайте же загадку. Один дом – неприступный замок в скалах. Другой дом – монастырь с высокими стенами, сияющими белизной. Третий дом – изящный дворец, ждущий дорогого гостя на пир.

– Иди отсюда со своими загадками, – прикрикнул на него Гаррэт, и Пелардит, звеня бубенцами, укувыркался к соседнему столу.

– Я кажется понял о чем говорил шут, – сказал Сайн. – Его слова про женщин. А точнее про дочерей короля Ривальда. Непрístupный замок в скалах это принцесса Эрис. А белая крепость монастыря – принцесса Авэйна.

– А дворец, ждущий гостя на пир, очевидно, принцесса Амилла, – загоготал Бримон. Он был уже достаточно сильно пьян. – Дэйн Альред, вы заметили как она на вас смотрит?

Альред и его кузен переглянулись.

– А ведь я говорил вам об этом, – отметил Анхельм. – Мне не показалось!

– Попробуйте пригласить ее на танец на балу, – продолжал Бримон, – и она будет шептать вам непристойности на ухо.

– Звучит интригующе, – засмеялся Альред.

– Бримон, ты пьян! – осадил его Данэль. – Что ты несешь?

– Почему ты ее защищаешь? – возмутился Бримон. – Ты же знаешь, что она звала меня к себе по ночам. У меня до сих пор где-то валяется ключ от женских покоев.

– Ты порочишь честь семьи короля Ривальда, – сказал Гаррэт, краснея от стыда за друга.

– Напридумывал невесть что о его дочери.

– А мне любопытно, – Анхельм обратился к Бримону с удивленной улыбкой. – Неужели вы действительно имели с ней тесное общение?

Бримона было уже не остановить.

– Имел, и самое что есть тесное. А знаете, на кого она меня променяла? – продолжал он.

– На садовника! Ее застукали с ним в кустах!

– Это просто слухи, – раздраженно сказал Гаррэт. – Хватит пятнать честь королевской семьи перед гостями, а то мне придется тебя проучить.

– Слухи? Да она даже этого не отрицала! – воскликнул Бримон.

– Я восхищаюсь Вашей отвагой, Бримон, – Альред смеялся.

– Давайте выпьем за нашего отчаянного товарища, – Анхельм поднял кубок. – Опасные тайны легко капитулируют под напором его непоколебимого красноречия!

– Нрав принцессы Амиллы мало для кого уже тайна, – выговорил Бримон своим заплетаящимся языком, и подозвал шута: – Эй, Пелардит!

Тот незамедлительно оказался рядом.

– Ответь нам, шут, не делил ли ты ложе с принцессой Амиллой? – спросил Бримон, ухмыляясь.

Пелардит поднял брови, изображая глубокие страдания.

– Как это ни прискорбно, но я так и не добился ее любви, – шут наигранно всхлипнул.

– Совершенно не понимаю почему, ведь я так ослепительно хорош! Может ей не понравились цветы, которые я дарил?

– Мне это надоело, – сказал Гаррэт, уже закипая от гнева.

Бримон не обращал на друга внимание.

– А ты Сайн... ты даже не пытался за ней ухаживать, хотя ты не такой святоша как Гаррэт, – смеялся Бримон. – А зря, попробуй, может ей нравятся толстяки!

Гаррэт отрезвил его ударом кулака в лицо. Сайн добавил Бримону за «толстяка» и сбил со стула, но тот утянул его за собой, нанося ответные удары. Данэль попытался оттащить Сайна, но когда все оказались на ногах, потасовка не прекратилась. Гаррэт считал, что еще не закончил учить Бримона как нужно себя вести. Данэль вступил в драку на стороне Бримона, потому что нашел несправедливым, когда двое бьют одного. Они крушили все вокруг, падали стулья и посуда, благо, она была серебряной и не билась.

Остальные присутствующие со смехом наблюдали за происшествием, кто-то из аншорцев занял боевую песню, и его многие поддержали. Нетрезвые участники пира пели, смеялись, и

стучали столовыми приборами по столу. Принц Альред и Анхельм тоже принимали участие в общем веселье.

Оруженосцы короля, понаставив друг другу синяков, через некоторое время снова сидели за столом, пили вино и уверяли друг друга в вечной дружбе. Бримон особенно жарко просил прощения у Гаррэта, за то, что из-за вина позволил себе говорить плохо при иноземных гостях о дочери короля Ривальда, которому они все присягали, и Гаррэт ему даже поверил.

Сад был мокрый от дождя, шедшего все утро, но сейчас вышло солнце и заиграло бликами в золотых кронах деревьев. Альред и Авэйна шли по мощеной дорожке. С ветвей на них то и дело падали тяжелые капли.

Королева Анхейлис со свитой гуляла сегодня в саду. Авэйна и принц вышли на прогулку вместе с обществом, но очень скоро Альред увел принцессу на уединенную аллею. Анхейлис этого не заметила, или сделала вид. Зато Амила провожала их взглядом, нервно накручивая на палец рыжий локон, пока пара не скрылась за деревьями.

Авэйна ступала, приподняв подол платья и перешагивая через лужи, чтобы не промочить остроносые туфельки из тонкой кожи. Она увлеченно рассказывала Альреду о красоте природы и о том, как удивительно бог создал этот мир. Принцесса немного потеряла равновесие, чуть было не поскользнувшись на листьях, устилавших каменные плиты дорожки сада. Принц аккуратно поддержал Авэйну за локоть и предложил присесть на парковую скамью.

– Вы посмотрите на эту ветку, – говорила Авэйна, трогая пальцами веточку шиповника, который рос рядом со скамьей, – Листья на ней растут по спирали под определенным углом друг к другу, так, чтобы новые листочки не затеняли предыдущие, и каждый получал как можно больше света.

Пробиваясь сквозь осенние кроны вишневых деревьев и яблонь, солнце блестело на длинных волосах принцессы, начавших виться от влаги.

– Ваши наблюдения удивительны, – сказал Альред и взял ее за руку.

– Я прочитала об этом в книге, – взволнованно ответила Авэйна, – а потом убедилась, что это действительно так.

Она заметила улитку на траве у подножья куста и продолжила:

– А эти улитки, они необыкновенные существа. Считается, что они зарождаются из капель росы или из грязи после дождя. Но я нашла в Вальданской библиотеке манускрипт об устройстве природы, переписанный с труда Форауса Тонхронского...

– Какой редкий манускрипт, – удивился Альред. – Вам повезло иметь его в библиотеке.

– О, да! Фораус пишет, что улитки откладывают яйца как птицы! – Глаза Авэйны светились. – Но улитки, в отличие от птиц и зверей, не делятся на мужчин и женщин, а все одинаковые, и их любовь это битва за право взять на себя роль мужчины.

Альред разглядывал красивое лицо принцессы, и то, с каким увлечением она рассказывала про улиток, и улыбался.

– ...Битва на копьях! – продолжала Авэйна. – И эти копья можно найти на земле после их любовных сражений. Исход битвы может быть и таким, что обе станут и отцами, и матерями.

Авэйна подняла глаза от ползущей по травинке улитки на принца и заметила его улыбку, которая была достаточно широкой, чтобы из-под верхней губы показалась десна. Улыбка меняла его лицо – черты становились мягче, а обычно немного отстраненный взгляд темно-серых глаз показался Авэйне слишком пристальным.

– Как хорошо, что для нас с вами Олэм решил этот вопрос заранее, и нам не нужно противостояние, а только любовь, – сказал Альред и поцеловал принцессу в губы, а потом еще раз, пока она не успела опомниться.

Щеки Авэйны покраснели. Она немного отодвинулась от него, не убирая своей руки из его ладоней.

– Вы слишком торопитесь, мы еще не женаты, – сказала она.

– Это всего лишь поцелуй, – ответил принц.

– О, всевидящий Олэм, – тихо сказала Авэйна, опустив глаза, и еще сильнее залилась краской. – Я рассказывала вам про улиток, про их любовь, но я совершенно не подумала, что вам может показаться, что я намекаю на какую-то непристойность... определенно, вы могли расценить это так... но я не имела таких намерений...

Альфред взял обе руки принцессы в свои, и поцеловал ее тонкие пальцы.

– Я ни на миг не усомнился, что вы чисты в своей любознательности, и вовсе не смел думать, что вы можете намекать на что-либо подобное, – успокоил ее принц.

– Давайте вернемся к обществу, пожалуйста, – сказала Авэйна, все еще не поднимая глаз.

– Как вам будет угодно, – ответил Альфред учтиво.

Когда они шли по парку и слышали уже голоса и смех придворных из свиты королевы, они встретили герцога Кейрида, тоже направлявшегося к обществу. Кажется, он был в хорошем расположении духа.

– Ваше высочество, принцесса Авэйна, – герцог поклонился, – вы как всегда прекрасны! Чем прохладнее погода, тем ярче румянец на ваших щеках. Хороший сегодня денек, не правда ли?

– И поэтому вы решили выйти подышать свежим воздухом только сейчас, когда мы уже час наслаждаемся солнцем? – спросил Альфред, улыбаясь.

– Все это время я обсуждал с королем Ривальдом детали нашего договора и ваш брак, и мы хорошо в этом продвинулись, согласно пожеланиям вашего отца короля Эдреда, – ответил Кейрид.

– Почему вы обсуждали это без меня? – улыбка исчезла с лица принца.

– Кто-то же должен делать дела, пока вы флиртуете, – невозмутимо ответил Кейрид.

– Мне нужно проводить принцессу Авэйну к королеве, потом мы все с вами обсудим, – сказал Альфред, плохо скрывая раздражение.

Глава 4

Турнир шел не первый день. Оруженосцы короля, испытавшие свои силы на нем в предыдущие дни, сейчас наблюдали за более знатными и сильными бойцами, стоя у входа на ристалище. Король отправил их туда оказывать помощь участникам. Он считал, что пажи и оруженосцы всегда должны быть при деле, ведь это закаляет дух и пресекает распушенность.

– Я удивлен как этот сопляк сломал вчера об тебя три копья. На вид он такой щуплый. Как будто блоха победила навозного жука, – говорил Бримон Сайну, наблюдая за Анхельмом, который поправлял отстегнувшийся латный налокотник Альреду Аншорскому.

– Сам ты навозный жук! – загоготал Сайн Талед. – Летел как жук, чуть крыльями не махал, когда эта блоха вышибла тебя из седла!

– Меня ладно, я же не такой крупный, как ты, – ухмыльнулся Бримон.

– Зато в пешем бою я его размазал, – Данэль не удержался напомнить друзьям о своей победе. – Это было не сложно.

– Он просто поскользнулся на том, что ты наложил от страха, – сказал Бримон.

Сайн заржал как конь.

– Даже малолетние пажи шутят достойнее, – Данэль закатил глаза.

Гаррэт же ничего не говорил о прошедших схватках, ведь он в этот раз оказался лучшим среди своих друзей и набрал больше очков, чем каждый из них. Он чувствовал себя очень важным и полагал, что они понимают, что ему не о чем с ними спорить. Гаррэт надеялся, что король посвятит его в рыцари за его заслуги на турнире, но король, казалось, не думал об этом вовсе, и был занят аншорскими гостями. Гаррэт ждал, что после турнира король вспомнит о нем и пожалует ему золотые шпоры. Также на это надеялся его паж Дирен, которому недавно исполнилось целых пятнадцать лет. Ведь тогда он сам станет оруженосцем рыцаря Гаррэта Орикена.

Увидев, что на стойке осталось только одно копьё, и то, оно сейчас будет использовано для новой схватки, Гаррэт махнул рукой своим друзьям:

– Хватит болтать, давайте за новыми копьями, живо, – сказал он так, как будто был среди них главным.

Друзья посмотрели на него несколько удивленно, Данэль даже пожал плечами. Но так или иначе, им действительно нужно было заполнить стойку, и они пошли за Гаррэтом.

Турнирные копья были сделаны из сосны и выкрашены красными полосками, идущими спиралью по древку. Наконечники этих копий, словно цветы, имели три лепестка, и в отличие от боевого острия, не могли нанести существенного урона, а сосна была достаточно хрупкой древесиной, чтобы ломаться от сильного удара, в то время как боевые копья обычно делались из ясеня.

Только что, в поединке Альреда Аншорского и Рудрида Налакса, лучшего из рыцарей короля Ривальда, оба всадника сломали копья, но удержались в седлах. С трибун гудели зрители. Они не были согласны на ничью, и в разноречивой скандировали имена обоих рыцарей. Оруженосцы и пажи в пыли ристалища убирали щепки. Солнце висело низко, и длинные тени от шпилей замка ложились на песок.

Рыцари готовились к следующей схватке. Анхельм принес принцу Альреду новый щит, потому что предыдущий треснул при сшибке. На принце блестела новомодная кираса. Таких кирас не было ни у кого из луаронских рыцарей, только у короля Ривальда, и то, потому что аншорцы подарили ему такую, хотя она не слишком подходила ему по размеру. Кираса принца состояла из двух цельнометаллических частей – нижняя часть защищала живот, а верхняя грудь, и части эти крепились между собой ремнем.

Шлем принца украшало навершие в виде дракона, к которому был привязан голубой шелковый платок его невесты принцессы Авэйны, а жеребец Альреда был редкой мариадальской породы – серебристая шерсть переливалась на солнце, ниже колен окрас уходил в черный, в то время как грива и хвост коня были пепельными. Ходили слухи, что мариадальские лошади имеют среди своих предков единорогов, и от них им досталась светлая грива и буйный нрав. Конь Альреда уже рвался в бой, и его приходилось держать двоим конюхам.

Жеребец Рудрида Налакса, напротив, был спокоен и никуда не стремился без воли хозяина. Внешне он был обычный гнедой, но обучен он был идеально, и понимал малейшее смещение центра тяжести всадника как команду. Рудрид выглядел не так блестяще, как принц Альред. Вместо кирасы на нем была обычная бригантина – доспех из железных пластин, наклепанных под сукно.

Рыцари заняли позиции. Длинный звук рога прорезал воздух, маршал опустил жезл, и тут же раздался крик герольда: «Вперед!». Всадники, послав лошадей в галоп, ринулись друг на друга. Рудрид немного отклонился вправо, и его конь едва заметно сошел с линии. Копье Альреда проскользнуло мимо щита Рудрида. Копье луаронского рыцаря также не достигло цели. Всадники промчались вдоль разделяющей их ограды, не коснувшись друг друга.

– Безрезультатно, – раздался голос герольда.

Трибуны шумели. Король Ривальд, сидя рядом с герцогом Кейридом, потирал подбородок.

– Кажется, жена Рудрида больше косится на меня, чем смотрит за поединками, – сказала Тайрис на ухо Амилле. Девушка стояла за креслом принцессы.

– Она наверное видела, как он прикрепил твою ленту на свой дублет под бригантиной, пока его одевали оруженосцы, – ответила ей принцесса.

– А ее шарф развеивается у него на плече, – вздохнула Тайрис.

– Зато твоя лента у самого сердца. Он тебя любит. А мой возлюбленный на меня даже не смотрит, у меня нет никаких шансов.

– Это мы еще посмотрим, – игриво сказала Тайрис, полная сочувствия своей подруге принцессе.

Рудрид, готовясь к последнему решающему бою, поднял забрало, чтобы отдышаться, и глянул в сторону трибун, где сидели дамы. Старый шрам, делящий надвое левую бровь, ничуть не портил его красивого лица. Тайрис улыбнулась ему.

Начался третий заезд, трибуны смолкли. Оба копыя сломались в щепки, никто из рыцарей не упал.

– Трижды равны! – возвестили герольды.

Маршал турнира поднялся с места и провозгласил:

– Равное количество очков! Если господа рыцари желают, они могут продолжить биться пешими.

Альред поднял забрало и выкрикнул:

– Битва на мечях!

Рыцари спешили. Анхельм проверил доспехи Альреда, отстегнул крюк для копья от его блестящей кирасы, а потом подал ему меч и небольшой круглый щит – баклер. Такое же оружие принес Рудриду его оруженосец.

Когда арену очистили от обломков, противники сошлись. Рудрид был тяжелее и теснил аншорского принца, но тот был проворнее, чаще менял линию атаки и сбивал соперника ложными выпадами. Звон стали тонул в реве и топоте ног, звучащих с трибун.

– Видно, что Рудрид просто позволяет принцу Альреду так долго держаться, – сказала Тайрис на ухо Амилле.

– А я верю, что у них честный поединок, – возразила ей принцесса.

Бой перешел в тесную схватку. Принц попытался зацепить ногу Рудрида своей, чтобы уронить его, но тот увернулся и ударил рукоятью меча в щит принца так, что тот сам потерял равновесие. Рудрид привычным движением перекинул его через бедро, и принц рухнул на спину, подняв облако пыли. Это означало поражение аншорского принца. Рудрид торжественно поднял меч вверх.

Толпа взревела. Простонародье приветствовало победителя радостными криками. Аншорцы выражали свое расстройство ропотом. Рудрид подал Альреду руку, чтобы помочь подняться, но принц встал сам, то ли не увидев жеста Рудрида из-за ограниченного обзора шлема, то ли намеренно проигнорировал.

Герольд торжественно объявил победу Рудрида Налакса. Бывшие противники пожали друг другу руки, сняв латные перчатки.

– Ваша техника достойна высшей похвалы, – сказал Рудрид, – лишь случай дал мне преимущество.

– Ваш опыт не оставил мне никаких шансов, – ответил ему принц.

Облака постепенно затягивали небо, пылавшее багрянцем заката. Начал моросить дождь.

Женщины на трибунах с нетерпением ждали, кого победитель выберет на роль королевы турнира.

– О, всевидящий Олэм, он идет сюда, – взволнованно сказала Тайрис Амилле.

– Даже не надейся, Тайрис, – осадил ее принцесса, – Если он выберет тебя, это будет скандал. Рудрид так никогда не сделает.

Взойдя на трибуну, победитель подошел к королеве Анхейлис, глубоко поклонился и протянул ей руку, презентуя ей новый ее титул.

– Благодарю вас, дэйн Рудрид, – ответила королева, не вставая из кресла, – но я вынуждена передать этот почетный титул моей дочери принцессе Авэйне. Плохое самочувствие не позволит мне принять участие в награждении победителей турнира.

Она тяжело дышала и держалась за живот.

– Вам нужна помощь, Ваше Величество? – обеспокоенный Рудрид поклонился еще раз.

– Пожалуйста, продолжайте церемонию, – сказала Анхейлис спокойным голосом.

Рудрид взял за руку принцессу Авэйну и вывел в центр ристалища. Он отдал право возложить венок ей на голову принцу Альреду.

– Матушка, вам не хорошо? – спросила Эрис королеву.

– У меня начались схватки, – тихо сказала Анхейлис. Ее губы сжались от боли.

Эрис распорядилась, чтобы королеву доставили в замок в паланкине. Анхейлис просила не прекращать торжеств.

В небольшом помещении, находящемся прямо у входа в покои Анхейлис, принцессы и несколько дам томились ожиданием, слушая крики и стоны королевы, которые заглушала тяжелая деревянная дверь. Пара пажей сидели в углу комнаты и не знали чем себя занять, пока для них не было никаких распоряжений.

В камине потрескивал огонь, где-то далеко была слышна музыка и шум проходившего в замке пира. Король пил вино вместе с гостями, стараясь заглушить тревогу.

Авэйна сидела на лавке рядом с Амиллой и тихо шептала молитву. Младшая принцесса рассматривала мыски своих туфель. Эрис ходила по каменному полу из угла в угол, шурша тяжелой юбкой.

Из приоткрытого окна пахло влажной листвой. Шум проливного дождя проникал в комнату, а вместе с ним гул колокола замкового храма. В него били, чтобы отгонять демонов от роженицы. Небо было совершенно темным, и лица девушек освещал только неяркий огонь камина и пара свечей.

– Томишься в ожидании, волнуешься о том, кто родится? – обратилась Авэйна к своей старшей сестре, которая никак не хотела присесть даже на некоторое время. – Вдруг будет мальчик?

– Я переживаю за здоровье нашей матушки, – холодно ответила Эрис.

– Конечно, ты и об этом беспокоишься, – продолжила Авэйна, смотря на сестру исподлобья. – Но больше тебя интересует, останешься ли ты наследницей престола.

– Замолчи! – резко ответила Эрис. – Читай лучше молитвы, у тебя это хорошо получается.

– Не то, что у тебя, – сухо сказала Авэйна.

– Зачем вы ссоритесь в такой час? – Амилла подняла глаза на сестер.

– Не вмешивайся, – Авэйна шикнула на младшую принцессу.

Раздался детский крик. Эрис кинулась к двери, но не успела открыть ее, из нее вышел главный лекарь и торжественно возвестил:

– Ее Величество успешно разрешилась от бремени подарив жизнь принцу!

Тут же пажи побежали в большой зал к королю, чтобы сообщить ему радостную новость.

Пир продолжался уже несколько дней, когда король решил, что его сыну пора обзавестись именем.

С давних времен в королевском роду была традиция: когда в семье появлялся на свет ребенок, его относили в лес на встречу с лесными феями, звавшимися в тех краях наоллами, и они давали ребенку имя. Так и три дочери короля Ривальда получили свои имена. Значения этих имен не всегда были понятны королевской семье и их приближенным. Возможно феи руководствовались только благозвучием. Но когда имена пытались расшифровать ученые монахи, они находили схожие слова в древних языках.

Таким образом выяснилось, что имя Эрис в переводе с древнелимиширского языка означает – надежда, Авэйна – вера, а Амилла – любовь. Отразится ли это на будущем характере ребенка или его судьбе, никто не знал.

Когда-то в давние времена, о которых мало что известно, язык этот был общим для всего континента Лимишира, и был намного старше языка Лотонской империи. Он так и не был полностью расшифрован.

Церковь не одобряла эту традицию, принятую в королевском роду, но Ривальд и его предки видели в наоллах добрую силу, поддержкой которой хотели заручиться, тем более, что наоллы издревле жили в луаронских лесах, хотя увидеть их было не так просто.

И вот, король Ривальд отправил алхимика Азистора Гаттэлана в лес, чтобы найти фей. Настал день, когда алхимик вернулся после нескольких дней блужданий по лесу и сообщил, что наоллы назначили Ривальду встречу через два дня, около полудня, на берегу небольшого озера, в часе неспешной езды от города.

В эти дни лил дождь, не переставая, и алхимик приехал весь промокший. Двое оруженосцев короля с четырьмя солдатами, которым Ривальд поручил сопровождать Гаттэлана, были не менее мокрые, как и их кони, и все вещи, что были у них с собой.

Развешивая для просушки ткань шатра, в котором немногочисленная свита алхимика провела прошедшую ночь, солдат Вит встретил своего товарища Ардона, служащего в замковой страже. Ардон не стал тянуть, и сразу же спросил:

– Ну, чего? видел ты этих, фей-то?

– Одну всего видел, – ответил Вит.

– Хороша баба волшебная?

– Да черт ее разберет, хороша или не хороша. Маловата будет. Росточку в ней мне по плечо. А сам-то я, как видишь, ростом не особо выдался. Худая она была и бледная, словно поганка лесная. В чем душонка держится непонятно.

– Душонка-то у нее волшебническая. А колдовство на ваших глазах творила?

– Да не понял я, колдовство или не колдовство это было. На третий день остановились мы на поляне среди зарослей каких-то. Ну, зажгли мы костер, после долгих стараний. Благо, дождик хилый был. Ну, шатер поставили. Сели мы, пивко, сырок с сухарями достали, как встает алхимик наш, и говорит, мол, тссс – молчать всем. Ну, мы и молчим. А он пошел куда-то. Я за ним вместе с Гаррэтом оруженосцем. Как алхимика оставить-то? Вдруг демоны утащат, или зверь какой, а нам за него головой отвечать.

– И что дальше?

– Остановился он рядом с кустом шиповника дикого. Ну, и мы в дюжине локтей от него встали. И вдруг куст раздвинул ветки свои колючие сам собой, и выходит, значит, фея эта худющая. Подала алхимику знак рукой, он за ней в кусты и пошел.

Ардон загоготал:

– В кусты с феей и я бы пошел, будь она хоть трижды худющая! И долго она ему волшебство свое в кустах показывала?

– Да мы всех фей этих проклясть успели, пока алхимик вернулся, – отвечал Вит. – Мы уж решили, что феи эти все равно, что демоны с чертями – людей похищают. Среди ночи он только воротился. Мы уж и в кусты лазали в эти колючие.

– И что, не нашли там ничего, что ли?

– Да нет конца и края этим кустам. И мечами мы их рубили, чтобы пролезть. Пол ночи рубили. А впереди все кусты и кусты, а за ними еще кусты, а за теми кустами опять кусты. Потом умаялись и решили еще подождать.

– Задал вам волненья этот алхимик.

– Так слушай дальше. Вернулся наш старик. Гаррэт оруженосец происхождения благородное имеет, и он с этим алхимиком вроде как за равного, ну, если, конечно, возраста не считать. Так он давай у него допытываться: мол, где были, что видели? А алхимик ему хитро так отвечает: мол, где был, скажу – в городе ихнем волшебном, а вот что видел, сказать не могу. Запрещают они говорить.

– Да врет он все. Небось, и не видел ничего кроме феи этой.

– Да что ж с нею пол ночи-то делать? Мало того, что мала она, еще и башка у нее зеленая.

– Совсем зеленая? Мне в детстве мамка рассказывала, что у фей на голове мочало вместо волос растет.

– Да не мочало, а кусты зеленые или трава. Зуб даю, сам видел.

Глава 5

Дождь моросил с утра, не прекращаясь. Большую часть пути всадники ехали по твердому, вымощенному камнем тракту, но когда они повернули на лесную грунтовую дорогу, ведущую к водоему, им пришлось пробираться через грязь. Промокший лес шумел красно-рыжей листвой на ветру и пах влажным мхом и грибами. Вскоре за деревьями показалось озеро.

Король Ривальд со своей семьей, свитой и аншорскими гостями остановились на большой поляне на берегу. Когда все всадники подтянулась на поляну, кони и люди заполнили все пространство от края леса до воды.

Анхейлис и две ее дочери приехали в конных паланкинах. Придворные дамы по большей части ехали верхом. Спешившись, дамы тут же окружили королевские паланкины. Слуги поставили ступеньку, а дамы помогли Анхейлис спуститься. Из паланкина выглянула толстощекая кормилица и передала королеве младенца, закутанного в пуховое одеяло.

Из второго паланкина вышла Авэйна, недоверчиво смотря себе под ноги на хлюпающую глину вперемешку с опавшими листьями и травой, еще сохранявшей зеленый оттенок. Следом за ней спустилась Амилла.

Эрис приехала верхом. Спешившись, старшая принцесса попыталась отряхнуть дорожную грязь со своего плаща, но только испачкала пальцы.

На встречу с наоллами на другом берегу пошли только члены королевской семьи в сопровождении Азистора Гаттэлана, который был их проводником. Юного принца нес сам король Ривальд. В пути никто не проронил ни слова.

Покрытое туманом озеро огибала старая тропа, еле различимая между кустами черники и папоротника. Ветер успокоился, дождь прекратился. Вода стала неподвижной, как кисель. И только капли, изредка падавшие с ветвей, нависших над водой, нарушали ее спокойствие.

На другом берегу не было ни души.

– Не забыли ли эти колдуны про нас? – прошептала Авэйна.

– Тихо, – шикнул на нее король. – И не называй фей «этими колдунами».

Ожидание продлилось недолго. Авэйна только три раза успела прочесть про себя молитву «Отец наш всевидящий», как из-за деревьев выехали пять белых единорогов. На спинах их сидели наоллы – королева Элеамона и ее небольшая свита из двух женщин и двух мужчин фей. Единороги были высокими, и наоллы на их спинах казались похожими на детей, оседлавших боевых коней. От лошадей единорогов отличал длинный рог, растущий из лба, и белоснежность окраса. На волшебных животных не было сбруи; седла были простые, больше похожие на попоны, и без стремян. Наоллы остановили единорогов в некотором отдалении от людей и спешили.

Черты фей были тонкими и красивыми, а кожа белоснежной. Простые по крою одежды наолл шелковисто переливались. То, что росло у наолл на головах, напоминало зелень кустов – гибкие, как у вьюнков, стебли, усеянные небольшими листьями, ниспадали на плечи, подобно волосам. В гривах троих наолл, в том числе и королевы, смешивались зеленые, желтые и рыжие цвета. Головы двух других фей украшали сочно зеленые листья. Это первое, что выдавало их разный возраст – с годами гривы фей желтели, подобно осенней листве.

Феи и люди поклонились друг другу. Королева Элеамона сделала приглашающий жест Ривальду, и он один с младенцем на руках направился к волшебным существам. Ривальд передал на руки королеве фей юного принца. Она стояла неподвижно и смотрела в глаза ребенка. Младенец вел себя на удивление спокойно. Элеамона оказалась луаронскому корою по плечо, и остальные феи тоже были небольшого роста – самый высокий из мужчин наолл был на голову ниже Ривальда.

– Его зовут Дальвейн, – сказала она и передала ребенка обратно на руки отцу.

– Спасибо тебе, королева, – луаронский король поклонился фее.

Наоллы поклонились в ответ. Принцесса Авэйна заметила, что королева фей немного дольше задержала свой взгляд на Эрис, чем на остальных.

Наоллы ловко сели на единорогов, несмотря на высокий рост животных и отсутствие стремян, и скрылись между серебристыми стволами деревьев, растаяли в золоте осеннего леса, словно хрупкий утренний сон.

На обратном пути от озера Ривальд шел рядом со своей супругой, держа на руках юного луаронского принца.

– Что означает это имя? – задумчиво спросила Анхейлис. – Похоже, «мудрый» на древнем языке?

– Позволь Азистору Гаттэлану разгадать это, возлюбленная моя, – ответил Ривальд. – Это может означать и «спасенный». У этих слов в древнелимиширском языке похожее звучание.

Принцессы шли на некотором отдалении от своих родителей, и не слышали их беседы. Опять заморосил дождь, как будто и вовсе не прекращался. Казалось, на озере не было дождя только из-за присутствия фей.

– Наоллы великолепны, – Амила улыбалась, иногда оборачиваясь на лес, в котором скрылись феи, в надежде еще раз их увидеть.

– А как хороши их единороги, вот бы покататься на таком! – сказала Эрис мечтательно.

– Неизвестно, истинна ли красота фей, – Авэйна была настроена скептически, – может, это лишь морок, колдовство.

– А на самом деле они черти верхом на жабах! – засмеялась Амила, и глаза ее ехидно блеснули из-под тени капюшона.

– Юного Дальвейна еще не посвятили в Эмаатство, – продолжила Авэйна, – он еще не носит «Око Олэма», и не защищен им, а его уже показали этим неоднозначным существам.

– Что же в них неоднозначного? – удивленно поинтересовалась Амила.

– Богословы спорят о природе магии наолл, – объяснила Авэйна. – Большинство авторов сходятся на том, что они умеют творить волшебство самостоятельно. Но у некоторых ученых монахов есть мнение, что они творят свои чудеса с помощью демонов, как это обычно делают ведьмы и колдуны. Об этом пишет Ферлих Оражский, например. Но правду никто не знает.

– А как ты думаешь, сестра, если ведьмы творят колдовство через демонов, то могут ли наоллы делать волшебство с помощью ангелов? – Амила была озадачена пришедшей на ум мыслью.

– Это почти богохульство, сестра, ангелам нет дела до чудес, – ответила Авэйна.

Вскоре показалась поляна, где король оставил свою свиту, отправляясь на другой берег озера. Он громко провозгласил имя сына, чтобы все слышали. Маленького Дальвейна приветствовали радостными криками, и тут же открыли фляги с вином, чтобы выпить за славное имя, полученное принцем. Никто из тех, кто находился на этом берегу, включая принца Альреда и герцога Кейрида, не смог разглядеть наолл в полной мере из-за тумана над водой.

Пока королевская семья ходила на другой берег озера, слуги успели поставить тенты, чтобы всадники могли отдохнуть и перекусить перед обратной дорогой.

Амила воодушевленно рассказывала аншорским гостям о наоллах и единорогах. Принц Альред интересовался единорогами больше, чем феями, и размышлял о том, обучают ли наоллы своих животных слушаться команд, или управляют этими свирепыми, по слухам, существами, с помощью волшебства. Он находил досадным, что никто из людей не смог приручить единорога, и выражал желание иметь такого у себя в конюшнях.

Авэйна же снова затронула тему неоднозначности фей. Герцог Кейрид восхищался обширными знаниями Авэйны, и расспрашивал ее о том, что пишут про наолл в книгах.

Эрис молча потягивала вино и смотрела из-под тента, как холодный ветер поднимает с земли рыжие листья, обнажая темную зелень насквозь промокшей травы, и закручивает их в вихри, неся к низким серым облакам.

Король Ривальд не выпускал из рук маленького Дальвейна, пока тот не начал хныкать и тереть глаза. Тогда Анхейлис забрала младенца у супруга и отдала кормилице, которая скрылась с ним в паланкине.

В гардеробной комнате принцесса Эрис разглядывала свои платья. Все они ей надоели. Лазурное, бордовое, бирюзовое, все было не то. Служанка Майла предложила ей надеть платье цвета свежей сирени, которое пошили еще весной из очень дорогой ткани, но Эрис надоело и оно.

– Позвольте, я схожу в мастерскую посмотреть, готов ли ваш новый наряд, – предложила Майла.

– Останься, и отпори от лазурного платья жемчуг, – приказала Эрис, – оно выглядит слишком празднично. Потом пришьешь обратно, если мне будет надо. А я схожу в мастерскую сама, у меня есть ноги.

Майла вздохнула и взяла лазурное платье с вешалки, а Эрис покинула гардеробную, закрыв за собой дверь.

Швейная мастерская находилась этажом ниже, и туда можно было пройти прямо из гардеробной. Эрис спустилась по лестнице, и остановилась у приоткрытой двери. Оттуда доносились голоса швей и закройщиц. Эрис встала так, чтобы ее не было видно, и прислушалась.

– А священник и говорит, мол, это соседка ваша порчу наслала, ищите, нет ли дома следов колдовства, – говорил хрипловатый голос швеи.

– И что, правда порча была? – спросил высокий женский голос.

– Она самая. Тетка моя в горячке лежала, вся волдырями да прыщами покрытая. Искать долго и не пришлось. В прихожей над входной дверью нашли мы тряпку грязную, за косяк заткнутую. Сняли ее, развернули, а там зерна всякие, семена да стручки видом прям как прыщи теткины с волдырями, и еще там костей каких-то мелких было много, и дряни какой-то богомерзкой, которую мы даже разглядывать не стали, а сразу в огонь кинули. Тетка моя выздоровела на следующий день. И я со спокойною душой в замок вернулась.

– Сохрани нас всевидящий Олэм! Сколько среди нас людей проклятуших живет! Иной раз и не поймешь сразу, кто есть кто. На мессы-то вроде все ходят, – причитал высокий голос.

– Ходят-то все, но ведьмы хулу на Олэма и на его служителей прямо в храме наводят, – почти шепотом ответил хриплый голос.

– Как же это?

– А так, что во время службы, когда священник произнесет: «Да пребудет с вами Олэм, да простит он прегрешения ваши...» ведьма тихо, чтоб не слышал никто, скажет какую-нибудь мерзость вроде «засунь свой язык в задницу его святейшеству дарду Вальданскому»

– Ой, да ты, Малинья, хоть не повторяла бы гадостей таких, – возмутился высокий голос.

– Что ты, Зильда, Я же не от себя говорю, а от ведьмы этой проклятущей, – ответила Малинья, обладательница хриплого голоса.

– Да кто ж разберет-то? – причитала Зильда.

– Я слышала, что в лесу нашем ведьма живет, – продолжала Малинья. – Она иногда в городской собор наведывается, и всегда плюет три раза наземь перед собором, когда входит и три раза, когда выходит. А что она в соборе творит, это только демонам ведомо.

– А я знаю ведьму эту, – в разговор вступил молодой звонкий голос.

– Ты-то, Эсса, откуда ее знать можешь, или придумываешь? – спросила Зильда.

– Да был случай познакомиться, – ответила швея Эсса. – Род мой из деревни Вендель, что отсюда недалеко. Ну так вот. Пропало как-то молоко у коров. Сначала у соседских, на

следующий день у наших, а после и у тех соседей, что далее живут. Ну мы сразу уразумели, что дело это нечистое и в церковь пошли, ту, что между нашей деревней и деревней Фраго. Позвали местного священника. Он нам все коровники освятил, молитву прочитал, коров святой водой окропил. Денег ему много заплатили, а результату никакого. Как не было молока, так и не было. Недели две мы ждали когда, наконец, молитвы подействуют, но тщетно все. И решили мы тогда к ведьме пойти. Пусть порчу снимет, раз сама навела. Собрали добра всякого более-менее ценного, кто что дал, и стали решать кого к ведьме послать.

– А откуда вы дорогу к ней узнали? – спросила Малинья.

– Одна старая бабка из нашей деревни рассказала, – отвечала Эсса, – но она сама уж не ходила почти, совсем согбенная была. А когда решать стали, кто пойдет, у всех сразу важные и неотложные дела находились. А я еще тогда в замке не работала, только мамке по хозяйству помогала. Вот и отправили нас с братом старшим вдвоем. Когда мы дом ведьмин нашли, и ей про свою беду рассказали, она засмеялась: мол, навели на вас порчу ведьмы злобные, а я не ведьма, а знахарка, и от хвори коров ваших излечить могу, мне, мол, это раз плюнуть, только какая мне от этого выгода. Тогда братец мой развернул мешок, и все добро, что мы собрали, на стол вывалил. У нее глаза заблестели, и согласилась она тогда.

– А колдовала как? – поинтересовалась Зильда.

– Да никак. Сказала: идите, когда вернетесь, коровы ваши здоровые будут. Так оно и вышло, – ответила Эсса.

– Да какая она знахарка!?! Ведьма она настоящая, чтоб ее черти унесли! – воскликнула Малинья.

– Мы ей и не поверили, – ответила Эсса. – Поняли, что порчу она сама навела. А когда ей заплатили, чары свои сняла.

– Надо было всей вашей деревней собраться и пойти дом этой нечестивице подпалить! – сказала Зильда.

– Да уж! Что ж вы, испугались что ли? – усмехнулась Малинья.

– Да хотели подпалить, – ответила Эсса, – и даже собрались мужики из нашей деревни, и из деревни Фраго, хоть обычно наша деревня с ихней вражду ведет. Пошли в лес. Меня и брата как провожатых взяли. Но не нашли мы тогда ее жилища. Казалось мне, вроде по той тропке идем, а в итоге совсем не туда приходили. Или опять возвращались, будто тропка это по кругу шла.

– Это колдовство было. Говорят, демоны и черти так людей крутят, – Малинья понизила голос, как будто не хотела, чтобы нечистая сила ее услышала.

– Не иначе как колдовство, – подтвердила Эсса. – Так весь день по лесу и ходили. А как темнеть начало, решили возвращаться. А то заплутать в темноте легко, а ведь если в глубь леса слишком уж удалиться, то в такие дебри забраться можно, что назад пути и не найдешь. Говорят, лес наш за много дней не пересечь.

Эрис открыла тяжелую скрипучую дверь. Девушки затихли, потом вскочили со своих мест, отдавая поклоны принцессе, которая плавной походкой прошла в мастерскую.

– Как мое платье? – спросила Эрис. – Скоро ли будет готово?

– Скоро, Ваше Высочество, – ответила Эсса, молодая светловолосая швея, обладательница звонкого голоса, – Осталось подол подшить. Посмотрите.

Женщины подняли платье из переливающийся парчи изумрудного цвета, демонстрируя его принцессе. Эрис не без удовольствия осмотрела искусную работу. Похвалив мастериц, принцесса направилась к выходу. У двери она приостановилась, будто охваченная сомнением, обернулась и посмотрела на молодую швею:

– Ты Эсса? – спросила принцесса.

– Я, ваше высочество, – ответила та.

– Иди со мной.

Молодая швея последовала за Эрис. Принцесса поднялась на лестничный пролет и остановилась у стены в полумраке. Эсса оказалась у узкого окошка, бывшего здесь единственным источником света.

– Этот разговор должен остаться между нами, – начала принцесса. Из тени блестели ее зеленые глаза. – Если кому-нибудь взболтнешь, сгниешь в подвалах Вальданского замка.

Эсса кивнула, теребя в руке наперсток.

– Ты ведь была у ведьмы? – продолжила Эрис.

Эсса опять кивнула.

– Отведешь меня к ней завтра утром.

– Да... – Эсса замялась, – но вдруг я не найду дороги к ней...

– Найдешь. – Взгляд Эрис был полон обезоруживающего превосходства.

Швея снова кивнула.

– Завтра мое платье будет готово, – продолжила принцесса. – Ты отнесешь его ко мне в покои. Одна. И захвати свой плащ. И еще один, такой же как твой. И возьми платок на голову такой же как на тебе.

– Но ваше платье будет готово сегодня, совсем уже скоро, – залепетала Эсса.

– Если я сказала, что платье будет готово завтра, то оно будет готово завтра. После того, как прозвучит второй утренний колокол, я буду ждать тебя в своих покоях. И не опаздывай. Мы должны будем вернуться до обеда.

– Хорошо, – тихо ответила швея.

Принцесса ушла. Когда Эсса вошла обратно в мастерскую, Зильда спросила ее:

– Что принцесса тебе сказала? Вроде бы она не кричала на тебя, а ты вон какая напуганная.

– Да ничего страшного не сказала, – Эсса говорила нарочито уверенно. – Сказала только, что платье хорошее, но чтоб сегодня ее не тревожили. Чтоб я лично завтра утром его принесла ей. И все.

– А что мрачная ты такая? – поинтересовалась Малинья.

– Да она так на меня посмотрела своими зелеными глазами, будто я не человек, а тля какая. Сразу настроение испортилось, – Эсса скривилась.

– А может, ведьма она, а? – предположила Малинья. – Я вот давно заметила: как зыркнет, потом весь оставшийся день изжога изводит, будто желчь из нутра поднимается. И раздражение нападает.

– Да ты, Малинья, всегда желчью изводишься, – вмешалась Зильда. – Нечего на их высочество напраслину наводить.

Глава 6

Королева Анхейлис с дочерьми и несколькими дамами сидели на лавках у камина, и обсуждали то, как испортилась погода, и выдастся ли еще случай поехать на охоту, пока не началась зима. Кормилица и нянька о чем-то перешептывались в другой части комнаты, отгороженной гобеленом.

Принцесса Амилла качала на руках маленького Дальвейна и тихо пела ему песенку.

– Позвольте мне тоже подержать брата, – сказала Эрис, которая еще ни разу не брала его на руки.

Амилла посмотрела на королеву, та кивнула, и старшая принцесса взяла принца.

– Кажется, он уже успел подрасти. – Эрис умиленно улыбнулась, погладила младенца и поправила его тоненькие волоски, выбившиеся из-под чепчика.

Вдруг ребенок громко заплакал.

– Он наверное голодный, – Воскликнула кормилица, выбежав из своего закутка. Она взяла маленького принца из рук Эрис.

Авэйна недобро посмотрела на старшую сестру. Та стояла как будто растерянная, сложив руки в замок, а потом очень скоро ушла к себе.

Из окна лился холодный утренний свет. Эрис была в своих покоях одна. Она отпустила служанку в город навестить родственников и разрешила ей вернуться поздно.

Принцесса ходила по комнате в ожидании швеи Эссы.

Во время завтрака Эрис сказала матери и сестрам, что она не выспалась, и чтобы ее не тревожили до обеда.

За гобеленом, отделяющим угол служанки и входную дверь от покоев Эрис, слышались шаги. Принцесса шагнула к занавесу и отодвинула его прежде, чем швея успела подойти к нему.

– Что же ты так долго? – спросила Эрис.

Эсса поклонилась.

– Ваше высочество, как только колокол пробил, я сразу же из мастерской вышла, – тихо сказала Эсса.

Швея принесла с собой большой сверток, покрытый некрашеной льняной тканью. Там было новое изумрудное платье принцессы, белый платок, отороченный скромными кружевами, и два теплых плаща с вышитыми небольшими королевскими гербами на груди и на спине. Такие плащи носила челядь Вальданского замка.

Эрис надела один из плащей поверх простого шерстяного платья. Эсса с помощью булавок заколола на голове принцессы платок так, как это было принято у простолюдинок.

– Ваше Высочество, смотрите в пол, когда пойдете, чтобы взгляда вашего не узнал никто, – посоветовала швея.

– Можно подумать, без тебя бы я не догадалась, – ответила принцесса. – Надевай плащ. И когда мы пойдем через замок, обращайся ко мне как к ровне. Представь, что я тоже швея.

– Да как же я смогу, ваше высочество? – прошептала Эсса.

– Сможешь.

Девушки направились к воротам через внутренние помещения замка. Сначала они прошли через кухню, где повара и их помощники были заняты уборкой перед приготовлением обеда для короля, и не обратили внимание на двух работниц. Потом девушки миновали жилые корпуса челяди, где почти никого не было, кроме пары женщин с детьми, и вышли к воротам замка через конюшню.

Четыре вооруженных алебардами стражника стояли на посту у открытых ворот.

Эрис опустила голову, чтобы солдаты не узнали ее. Эсса же, наоборот, лучезарно им улыбалась.

– Куда идете, красавицы? – поинтересовался высокий стражник, стоявший ближе к выходу.

– Не твое дело, Хирт, – кокетливо ответила Эсса.

– А что это за скромница с тобой? – поинтересовался Хирт. – Я что-то не видел ее здесь раньше.

Эрис не поднимала глаз. Под сводами надвратной башни было недостаточно светло, и она надеялась, что стражники ее не узнают.

– Это Арлета, прачка, жена одного из конюхов, – сказала Эсса. – Она тут недавно.

Принцесса прятала под плащом руки, которые не были похожи на руки прачки.

Эрис первый раз выходила из замка пешком, в сопровождении одной лишь швеи. Они свернули с главной площади на улицу, ведущую к западным воротам. Накрапывал холодный дождь. Улочка была узкая и пустая. Откуда-то пахло свежим хлебом. Принцессе не доводилось раньше так запросто пройтись по городу, не становясь объектом всеобщего внимания, и сейчас эта ситуация показалась принцессе даже немного приятной.

Покинув Вальдану, девушки оказались на мощеном камнем широком западном тракте. Через некоторое время пути Эсса заметила тропку, уходящую в лес. Она свернула молча. Принцесса шла за ней. Кроны деревьев, роняя золотые листья, шелестели на ветру, будто о чем-то перешептываясь. Тропа проходила среди густых зарослей орешника, потом между колючих кустов ежевики и молодых деревьев, мокрые ветви которых приходилось раздвигать руками. Чем дальше девушки двигались, тем гуще становился лес. Эти места не были знакомы принцессе. Во время охоты сюда никто не заезжал. Здесь было бы затруднительно ехать на лошади.

Вдруг швея остановилась. Эрис, шедшая позади, чуть не наткнулась на нее.

– Туман, – испуганно прошептала Эсса, показывая пальцем куда-то вперед и направо.

– И что? – раздраженно спросила Эрис. Ей хотелось дойти до ведьмы как можно скорее.

– Это, наверное, демон. Видите, какой этот туман странный?

Туман действительно был необычным. Он не стелился по земле, а висел между деревьями рваными клочьями, и совсем не был похож на ту волшебную дымку, стелющуюся над озером, которую принцесса видела недавно на месте встречи с наоллами.

– Туман как туман. Иди вперед, – сказала Эрис.

– Если демон долго пребывает в одном месте, то там туман появляется, – в голосе Эссы чувствовалась начинающаяся паника, – а нечистый этот может вселить в человека такой страх, что сердце разорвется.

– Если бы ты об этом не знала, ты бы не боялась, – сказала принцесса. – Пойдем. Я что, уговаривать тебя должна?

Эсса мешкала, и Эрис схватила ее за запястье и пошла вперед, ведя за собой швею.

Когда они проходили близко от этого тумана, Эрис почувствовала, как страх обволакивает ее. Сердце забило быстрее. Несмотря на холодную погоду, принцессе становилось жарко, пот выступил на лбу. Эрис старалась не подавать виду, что тоже чувствует панику. Все новые и новые приливы ужаса заставляли ощутить пульс в висках. Она ускорила шаг насколько смогла, хотя казалось, ноги стали ватными. Швея еле за ней поспевала, но Эрис не выпускала ее руку.

Когда девушки миновали этот колдовской туман, принцесса обернулась, и увидела, что он изменил форму, опустившись ниже к земле и немного растянувшись. Над тропой, где они только что прошли, уже распространилось серебристое марево. Чем дальше девушки удаля-

лись от тумана, тем больше Эрис ощущала, что страх уходит. И Эсса, казалось, тоже чувствовала себя лучше.

Принцесса отпустила руку швеи, и та снова пошла впереди. Тропа становилась свободнее, заросли редели. Вскоре девушки оказались в дубовой роще. Большие деревья величаво раскинули свои ветви, а опавшие листья устилали землю подобно золотому ковру.

– Мне кажется, тут как-то странно пахнет, – сказала швея.

И правда, благоухание осеннего леса пронизывал слабый горьковатый запах. Воспоминания охватили Эрис. Точно также пахло там, где она встретила чвыря пару лет назад.

– Там что-то промелькнуло между деревьев, – прошептала швея.

– Просто не смотри туда. Смотри только вперед, – сказала Эрис.

Вскоре девушки вышли к дому ведьмы, стоящему на краю небольшой поляны. Принцессе ведьмино жилище показалось необычным. Стены его были старые, каменные и заросшие вьюном с ярко-красной листвой. На потемневшем от дождей фасаде было три застекленных окна, завершающиеся сверху стрельчатыми арками. Как будто это был охотничий домик какого-то графа, забытый в лесу сто лет назад, а не дом ведьмы-простолюдинки.

Не успели девушки подойти к ступеням крыльца, как тяжелая дверь со скрипом отворилась, и оттуда вышла женщина средних лет. Голова ее была повязана красным платком, из-под которого струились густые каштановые волосы, нетронутые сединой. Черное платье хорошо сидело на ее высокой статной фигуре. На шее женщины висели несколько серебряных цепочек с амулетами и кулон с черным камнем. Ведьма смерила их взглядом.

– Опять ты? – обратилась она к Эссе. – Зачем на этот раз пожаловала?

– Моя подруга попросила меня, чтобы я отвела ее к тебе, – ответила швея, теряясь под взглядом ведьмы.

– Подруга, – усмехнулась ведьма. – Ну заходите.

Девушки преодолели три ступеньки крыльца и оказались в прихожей. В доме пахло старым деревом, душистыми травами и немного сыростью, но кроме этого еле заметно ощущался тот самый горьковатый запах, от чего принцессе становилось не по себе. Ведьма пригласила их в комнату, но Эрис велела Эссе остаться в прихожей. Швея села на лавку. Принцесса пошла вслед за ведьмой, закрыв за собой дверь.

Помещение, в котором оказалась принцесса, было достаточно просторным. Вместо камина здесь была изразцовая печь, рядом с ней резной кухонный шкаф из темного дерева. Добротный обеденный стол стоял у окна. С одной стороны от него находилась лавка, а с другой, у стены, большой старинный сундук. На него ведьма усадила Эрис.

– Меня зовут ворга Сатэрра, – сказала ведьма, садясь на лавку напротив принцессы. – Зачем ты пришла?

– Я хочу навести порчу на человека, – тихо ответила Эрис, и сама испугавшись своих слов, опустила глаза.

– До смерти, или просто навлечь какую-нибудь болезнь? – с улыбкой спросила ворга.

Эрис замялась. У нее замирало сердце от мысли о том, что она собирается сделать, но она уже не могла остановиться.

– Говори, как есть, раз уж пришла, – ворга смотрела на принцессу своими блестящими, цвета болотной воды глазами. Ее взгляд пронизывал насквозь.

– До смерти, – ответила принцесса.

– Два золотых лорна. Это дело серьезное, а я вижу, что ты не бедная.

Эрис отвязала от пояса бархатный кошель и высыпала на стол его содержимое. Монеты зловеще зазвенели, рассыпаясь по деревянной столешнице. Там было два золотых лорна и десяток серебряных монет. Принцесса принялась было убирать лишние монеты, но ворга остановила ее:

– Нет уж, оставь. От тебя не убудет, – сказала ведьма.

Эрис не возражала. Ворга сгрэбла деньги в руку и удалилась в соседнюю комнату, чтобы припрятать их. Принцесса осталась на некоторое время в комнате одна, и ей сделалось еще более неудобно. Около печи висели несколько разных пучков сухих трав; на невысоком шкафу стоял аквариум, в нем жило полдюжины жаб разного размера. А в темном углу между потолочных балок Эрис заметила блестящую паутину, на которой висели три больших жирных паука с зелеными брюшками. Таких пауков принцессе раньше не доводилось видеть.

Сатэрра появилась на пороге. Перехватив взгляд Эрис, ведьма сказала:

– Неправда ли, хороши паучки? Толстенькие. – Ворга засмеялась. – Моим жабам на прокорм пойдут.

Принцесса ничего не ответила. Ведьма села на лавку.

– Ты принесла что-нибудь, принадлежащее твоей жертве? – спросила ворга.

Эрис протянула ведьме несколько тоненьких волосков, которые ей удалось вырвать из головы Дальвейна, когда принцесса брала его на руки.

– Молодец, догадалась. А то некоторые приходят: мол, наведи порчу, а ни волос, ни какой другой привязки к жертве не приносят. Делай мол, что хочешь. А ты, я смотрю, разумеешь немного в этом деле.

– Вовсе нет, – нехотя ответила принцесса. – А про волосы, так это любой дурак догадается.

– Не любой, уж поверь мне, повидавшей в жизни таких дураков, каковые тебе и не снились.

Ворга взялась за дело. Она растопила воск, добавила в него волосы маленького принца и слепила крохотную человеческую фигурку.

– Кто он тебе и как его зовут? – спросила она принцессу.

– Дальвейн, он мой брат, – тихо ответила Эрис.

Ведьма придала фигурке характерные мужские признаки, потом взяла спицу и выдавила на спине и на груди куклы имя «Дальвейн».

Ворга открыла дверцу шкафа. Там на полках стояли баночки со снадобьями, как в аптеке. Они все были разные – большие керамические и маленькие из толстого стекла. Ведьма достала бутылку и налила из нее в плоскую какую-то красноватую жидкость. Потом она взяла эту плоскую в руки и несколько раз туда дунула. При этом лицо ведьмы было таким сосредоточенным, что становилось понятно, что она собирает все силы зла, имеющиеся в ней, и, возможно, привлекает посторонние, нечеловеческой природы.

Ведьма поместила колдовскую фигурку в жидкость, на которую только что дула.

– Теперь мне понадобятся твои чувства. – Ведьма поставила плоскую перед Эрис. – Когда я буду читать заклинания, смотри на воскового человека, и постарайся вызвать в себе всю ненависть, которую ты питаешь к брату. Он будет умирать по твоему желанию, а не по моему.

Сама же ведьма села напротив, и тоже смотря на фигурку, начала шептать тихие, но страшные слова: «Дальвейн это ты, ты это Дальвейн. Ты пьешь этот яд, ты пьешь свою болезнь, ты пьешь свою смерть. Сила страшная, сила древняя, лети с далеких болот, сядь на грудь Дальвейну, иссуши его тело, заberi себе его душу».

Когда ведьма достала фигурку из жидкости, завернула в тряпку и отдала Эрис, принцесса сквозь ткань почувствовала, что кукла излучает тепло.

– Чтобы колдовство начало действовать, воткни в грудь и живот этой куклы несколько игл, – сказала ворга. – Сразу он не умрет, сначала заболит, но с каждым часом ему будет все хуже. Помрет на четвертый или на пятый день. Если вдруг захочешь остановить колдовство и избавить его от смерти, просто вытащи иглы и растопи фигурку на огне.

– Это все? – Эрис убрала сверток в кошелек.

– Да, – ответила ворга.

Принцесса встала из-за стола и направилась к выходу. Ведьма пошла за ней.

Эсса вся измаялась, ожидая принцессу. Она так и не узнала, зачем Эрис пришла к ведьме, но никогда не посмела бы спросить.

– Прощай, ворга Сатэрра, – сказала принцесса, оборачиваясь к ведьме.

– До свидания, Эрис, – ответила ворга. – Из тебя получится неплохая ведьма. Так что, если захочешь иметь колдовскую силу, заходи. – Ведьма улыбнулась, обнажив ровный ряд зубов, слишком белых для ее возраста.

Эрис ничего не ответила. Она была раздосадована тем, что ворга догадалась кто она.

Когда девушки вошли в лес, Эсса спросила:

– Ваше высочество, неужели Вы действительно пойдете к ней учиться колдовству?

– Ты что, дурочка? Я в эти края никогда больше не пойду, – ответила принцесса.

Эрис чувствовала, как восковая фигурка, которую она положила в опустевший кошелек, грела ей бедро. Принцессе было не по себе от этого колдовского тепла, казалось, что кукла – живое существо. Сердце сжималось от неприятного ощущения предстоящего злодеяния. На мгновение Эрис захотелось выкинуть фигурку, но как только она взяла в руки кошелек и почувствовала тепло, это желание ее покинуло, и сменилось другим – воткнуть в нее иглы поскорее. Как будто сама эта кукла вселяла в принцессу такие намерения.

На обратном пути никакого тумана на тропе уже не было. Вскоре из-за деревьев стали видны крепостные стены Вальданы, шпили храмов и ратуши, и темные башни возвышающегося над городом замка. Девушки вышли на тракт. Холодный ветер, дующий с реки, пробирал насквозь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.